

ПРОТОБОЛГАРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОДОНЬЯ И ПРИДОНЕЧЬЯ VIII-X ВВ.: ПРОБЛЕМА ПОЛИВАРИАНТНОСТИ ОБРЯДА И ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В специальной исторической и археологической литературе неоднократно поднималась проблема поливариантности погребального обряда носителей салтово-маяцкой археологической культуры VIII-X вв. К настоящему времени общепризнанным является мнение о том, что катакомбные погребения этой культуры принадлежат аланской части населения Подонья и Придонецья, входившего в это время в качестве достаточно обособленного региона в состав Хазарского каганата. Также вполне единодушны исследователи в определении этнической принадлежности одновременных им могильников с ямными погребениями. Практически всегда их связывают с протоболгарскими племенами, которые, если и не сосуществовали с аланами буквально, в форме хозяйственного симбиоза, то, по крайней мере, были их постоянными и близкими соседями в указанном регионе. В то же время уже давно было замечено, что ямный погребальный обряд протоболгар распадается на целый ряд вариантов, имеющих как элементы сходства, так и достаточно существенные отличия. Не будет преувеличением сказать, что практически каждый из числа ныне известных науке протоболгарских могильников имеет свои особенные черты погребального обряда. По сути, складывается впечатление, что вариантов протоболгарского погребального обряда почти столько же, сколько и могильников, оставленных протоболгарами. Очевидно, что это явление не случайно, имеет свои причины и указывает на наличие определенных закономерностей в развитии процесса этногенеза протоболгарских племен Восточной Европы во 2-й пол. I тыс. н.э. В связи с этим, основной целью настоящей работы является исследование поливариантности протоболгарского погребального обряда на основе данных археологии и попытка его исторической интерпретации в контексте раннесредневековой истории кочевых народов степной зоны Восточной Европы.*

Краткий исторический экскурс

Приступая к анализу ситуации, сложившейся в ходе этногенеза протоболгар, прежде всего, хотелось бы отметить, что их история имеет ряд особенностей, отличающих ее от истории других раннесредневеко-

вых этносов Восточной Европы. Во-первых, это не столько история, сколько процесс этнокультурного развития (Генинг В.Ф., 1989, с.4-15), происходивший в условиях очень медленного, местами так и не завершившегося разложения родоплеменного строя, часто отсутствия политической самостоятельности и вовлеченности в военно-политические акции других государств или кочевых народов, при постоянном культурном воздействии различных кочевых и оседлых соседей и общей культурной нивелировке, определявшейся в различные периоды особыми и своеобразными обстоятельствами. Можно говорить о существовании постоянной тенденции к усилению этнической консолидации в протоболгарской племенной среде и созданию, в конечном итоге раннесредневековой народности, которая так и не была, в целом, завершена в силу постоянных военно-политических катаклизмов и внешних влияний (Тортика А.А., 1996, с.37-48).

Как правило, первый, начальный период истории протоболгар связывают с гуннами (Артамонов М.И., 1962, с.43; Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, с.107-117; Димитров Д.Ил., 1987, с.26-29). Он характеризуется, по всей видимости, кочевым хозяйством и образом жизни, достаточно низким уровнем социально-политического развития, находившемся на стадии начала разложения родоплеменных отношений и интернациональной, общекочевой, без явно выраженных (или пока не обнаруженных) этнических признаков материальной культурой. В кон. IV – нач. V в. болгарские племена начинают постепенно выделяться из сложного многоэтнического гуннского объединения и получают собственное имя. В это время болгарами называют кочевые племена смешанного происхождения, состоящие из тюркского, угорского и иранского (позднесарматского) компонентов (само слово булгары в переводе с древнетюркского обозначает смесь, смешанный) (Тортика О.О., 1995, с.105-106). Пока нет достаточных оснований для того, чтобы говорить о выделении протоболгар из числа других кочевых народов Западной Сибири и Северного Казахстана еще в I тыс. до н.э., как это делали некоторые авторы (Халиков А.Х., 1989, с.55-65). Вероятно, точкой отсчета их этногенеза и истории можно считать именно сложные этнические процессы смешения и ассимиляции

*Анализ и описание погребального обряда и археологического материала, происходящего из различных протоболгарских могильников, в настоящей работе выполнены канд. ист. наук В.С.Аксеновым; историческая и историко-географическая часть статьи, а также анализ системы общественных отношений кочевых протоболгар подготовлены канд. ист. наук А.А.Тортика.

(Засецкая И.П., 1977, с.92-100), вызванные гуннским нашествием кон. IV в. и продолжавшиеся в последующие столетия.

В течение V в. в рамках державы Аттилы до 454 г. и господства акациров до 467 г. усиливается этническая дифференциация в гуннской кочевой среде, которая проявляется в том, что протоболгары упоминаются в кон. V в. н.э. в письменных источниках Восточной Римской империи уже под собственным именем. Их считают одним из гуннских племен, и часто этнонимы гунны и болгары являются синонимами, а иногда приобретают форму гунно-болгары. Этот факт позволяет говорить о начале второго периода их истории. Но до VII в. процесс этнической консолидации протоболгар не шел дальше уровня создания локальных племенных группировок. В VI в. они осваивают степные пространства Восточной Европы и начинают играть все большую роль в жизни Северного Кавказа, Приазовья, Причерноморья и Византии. К этому времени известен ряд названий протоболгарских племен, среди которых выделяются оногуры, утигуры и кутригуры. Кутригуры занимают степи от Дона до Днестра и постоянно тревожат Византию войнами и набегами, утигуры кочуют восточнее Дона, в Приазовье и Покубанье, находятся в союзе с Юстинианом и по его просьбе часто воюют с кутригурами (Византийские историки..., 1860, с.320-321).

Эти войны, в конечном итоге, ослабили и кутригуров, и утигуров и привели к тому, что с 60 г. VI в. кутригуры вступают в союз с аварами, теряют самостоятельность и оказываются вовлеченными в военные действия Аварского каганата в Центральной Европе и на Балканах. Утигуры после 568 г., но не позднее 576 г. подчиняются Западному тюркютскому каганату и используются его правителями для нападения на Боспор, а также для войн на Кавказе и в Закавказье против Ирана.

По всей видимости, более чем полувековое пребывание протоболгар в составе двух раннесредневековых кочевых государств натолкнуло их вождей на мысль о возможности создания собственного государства и обретения независимости. Как только для этого появились условия, кутригуры начали борьбу за ханский престол в Аварском каганате. В 630 г. они потерпели поражение, но отложились от авар и обрели свободу. В том же году начались междоусобные войны в Западном тюркютском каганате, которые привели к его распаду и обретению независимости приазовскими утигурами. Ситуацией воспользовался представитель тюркютского рода Дуло, вождь гунно-гундулов Кубрат, который сумел объединить разрозненные протоболгарские племена и создать собственную конфедерацию, получившую название Великой Болгарии. Это была первая попытка создания самостоятельной государственности протоболгарами. Этот факт говорит о начале нового периода протоболгарской истории, связанном с усилением этнической консолидации, появлением этнического самосознания, выделе-

нием в составе народа аристократической верхушки, способной создать центральную государственную власть и освящавшую свои претензии на эту власть при помощи традиции тюркютского рода Дуло. Но, как это характерно для многих подобных кочевых объединений, единство сохранялось только благодаря авторитету и инициативе хана, после его смерти конфедерация распадается (Плетнева С.А., 1982, с.41).

Краткий период существования самостоятельного протоболгарского союза не позволил входящим в него племенам слиться в единую народность и создать общую, отличающуюся от других кочевых и оседлых народов, материальную культуру. Материальная культура протоболгар времени Кубрата и последующих пяти десятилетий, в целом, не выходит за рамки общекочевых стандартов (Амброз А.К., 1982, с.204-222; Амброз А.К., 1985, с.293-303; Сміленко А.Т., 1975). По-прежнему она представлена одиночными захоронениями, разбросанными по югу степной зоны Восточной Европы, с неустойчивым обрядом, кочевническим инвентарем, легким всадническим оружием, украшениями и элементами поясных наборов, иногда захоронением частей или целого коня.

С протоболгарами можно связывать и, по крайней мере, часть памятников перещепинского типа. Анализ вещевого материала (Амброз А.К., 1971, с.96-123; Амброз А.К., 1982, с.204-222), особенности встречаемости византийских монет (Семенов А.И., 1986, с.92-98), соотнесение их находок с возможным вариантом проведения западной границы Великой Болгарии по Днепру, а также с событиями болгаро-хазарской войны (Сміленко А.Т., 1975; Баранов И.А., 1990), говорит о том, что, по крайней мере, западная, Приднепровская, часть этих памятников могла быть оставлена не хазарами, а протоболгарами. Западную зону в протоболгарском массиве занимали кутригуры, именно на них может указывать и отмеченное многими исследователями сильное влияние аварской культуры на стиль и состав украшений и поясных наборов погребения у с.Перещепино и т.д. (Львова З.А., 1993, с.111-116; Львова З.А., 1994, с.257-270; Львова З.А., 1996, с.12-36; Львова З.А., Маршак Б.И., 1998, с.490-498). Специфической чертой большинства этих памятников является и то, что они оставлены социальной верхушкой общества, более подверженной следованию интернациональной "моды" на вещи и их декор. В составе комплексов много привозных предметов из самых различных регионов Евразии.

Следующий период истории связан с окончательным разделением первоначального этнического массива протоболгар и обретением каждой из его частей своей исторической судьбы. Известно, что на Дунае протоболгары быстро славянизируются, на Волге также подвергаются сильному смешению с местным населением, хотя в гораздо большей степени сохраняют собственную культуру и язык. Их стремление к обретению собственной государственности проявляется в названиях Болгария или Булгария.

Интересные явления наблюдаются на территории Хазарского каганата, где развивается единая для всего его населения салтовская культура. Здесь происходит, казалось бы, сложение раннефеодальной народности, но поливариантность погребального обряда протоболгарских могильников опровергает такое предположение. Все это позволяет говорить о сохранении племенных отличий и разнородном этническом составе в протоболгарской среде вплоть до последних лет существования салтовской культуры.

В качестве важных факторов, во многом определивших своеобразие процесса этногенеза протоболгарских племен Восточной Европы, необходимо назвать их кочевой образ жизни (Иордан, 1960, с.72; Прокопий из Кесарии, 1950, с.436-438; Византийские историки..., 1860, с.321; Пигулевская Н.В., 1941, с.165) и связанную с ним типично кочевническую систему этносоциальной (родоплеменной) организации.

Хозяйственный уклад. О кочевом образе жизни, по всей видимости, протоболгарского населения Восточной Европы VI-VIII вв. позволяют судить и археологические источники. Это материалы, как правило, одиночных кочевнических погребений, датируемых VI-VII вв. и разбросанных в степях от Северного Кавказа до Северного Причерноморья. По всей видимости, протоболгарами были оставлены такие памятники как могильник у ст.Ново-Лабинской и Пашковский на Кубани, Борисовский могильник у г.Геленджика, возможно, Абрау-Дюрсо у Новороссийска (Димитров Д.Ил., 1987, с.91), погребения Рисовое, Богачевка (Айбабин А.И., 1990, с.4-86), Марфовка и у пос.Чикаренко в Крыму (Айбабин А.И., 1993, с.121-134; Айбабин А.И., 1993а, с.206-211), Карасюковка на Нижнем Дону (Безуглов С.И., 1985, с.248-252), Сивашевка в Причерноморье (Орлов Р.С., 1985, с.104-105).

Только с кон. VII – нач. VIII в. вытесненные из степей хазарами протоболгары начинают постепенно переходить к оседлому образу жизни, да и то не везде. Судя по материалам могильников болгарского варианта салтовской культуры VIII-X вв. на среднем Дону, Северском Донце, Осколе, в Приазовье и степном Днепровском левобережье, таким как Покровский, Дроновские, у с.Желтое, Сухая Гомольша, у с.Красная Горка, Нетайловский, Волоконовский и др., протоболгары в большинстве своем сохраняют кочевой или полукочевой образ жизни.

Общественное устройство. О социальных отношениях и системе социальной организации протоболгарских объединений нет прямых данных. Тем не менее, принятое утверждение о кочевом скотоводческом хозяйстве и связанном с ним образе жизни протоболгар, знание уровня социального развития авар и тюркютов, в состав каганатов которых входили и протоболгары, отдельные упоминания о наличии кочевой аристократии, вождей и ханов среди кочевников послегуннского времени, наличие погребальных комплексов, выделяющихся своим богатством, позволяют дать достаточно точный ответ на этот вопрос.

Одно из свидетельств об общественном устройстве кочевников гуннского времени находится в Готской истории Приска Панийского и связано с событиями, происходившими около 448 г. "...У этого народа (акациров) было много начальников по коленам и родам; император Феодосий послал им дары для того, чтобы они, по взаимному соглашению отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей..." (Латышев В.В., 1948, с.252). Протоболгары вышли из гуннской среды и в указанный период должны были находиться на сходном с ними уровне социального развития.

Для VI в. н.э. уже отмечены были выше случаи отправления гепидами и византийцами послов к "вождям" утигуров и кутригуров. Предводитель кутригуров Сандилх сам пишет Юстиниану о том, что родственные ему кутригуры управляются другими "вождями" (Прокопий из Кесарии, 1950, с.236-237). Все это указывает на сильные пережитки родоплеменных отношений, что характерно для большинства кочевых народов. Кочевая аристократия – это по-прежнему родовая и племенная верхушка кочевого общества, исполняющая обязанности военных вождей, судей, вершителей внешней политики и т.д. В тоже время можно говорить о выделении наиболее влиятельных представителей этой кочевой знати, которые могли претендовать на роль верховных вождей или ханов. Они же выполняют функцию верховных военачальников. Это Сандилх – вождь утигуров и Зимарх – предводитель кутригуров. Только их имена упоминаются в письменных источниках, и от их имени говорят послы с византийским императором. Эта кочевая верхушка уже избалована роскошью и богатством, ее представители требуют даней и различных благ у оседлых соседей (Прокопий из Кесарии, 1950, с.238). От них остаются богатые захоронения с большим количеством драгоценных изделий и золотых монет (памятники перещепинского круга датируются следующим VII – нач. VIII в., но связаны именно с такой родоплеменной кочевнической верхушкой – ханами и правителями). Конкретизировать эти представления можно на основе упоминаний письменных источников о Гостуне, Органе и Кубрате, при помощи данных, содержащихся в Именнике болгарских ханов, и благодаря знанию системы социального устройства: в первом Болгарском царстве (Димитров Д.Ил., 1987, с.108-109; Йорданов С., 1997, с.89-108), Волжской Булгарии (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, с.118) и в Хазарском каганате (Михеев В.К., 1991, с.43-50).

Видимо, у протоболгар в VI-VII вв. имел место родовой принцип наследования власти, когда ханский титул переходил к старшему в роде, не обязательно сыну, а чаще брату или племяннику старого хана, как это и произошло в случае с Кубратом. Можно гово-

речь об одном из вариантов хунно-тюркско-монгольской системы, в основе которой, вероятно, лежала фратриальная дуализация общества и его военная организация (Таскин В.С., 1968, с.21-44; Гумилев Л.Н., 1959, с.11-25; Гумилев Л.Н., 1961, с.15-26; Хазанов А.М., 1975, с.99-106). В этом случае выделялся владельческий род или племя, игравшие роль центра или "внутренней", в данном случае "великой", части народа (Йорданов С., 1997, с.89-108), владельческого "эля" тюркотов (Киселев С.В., 1951, с.500-505; Бернштам А.Н., 1951, с.160), "белых" хазар (Артамонов М.И., 1962, с.400, 404; Михеев В.К., 1991, с.43-50), "золотого" рода Чингизидов (Рашид-ад-Дин, 1952, т.1., Кн.1, с.92) или "белой кости" казахских ханов (Толыбеков С.Е., 1955, с.43-59). С другой, "внешней" (Рашев Р.К., 1993, с.250-254), стороны, находился кочевой народ или простой народ: "будун" тюркотов, "черные" хазары или в-н-т-ры (булгары) еврейско-хазарской переписки и пр., который состоял из подчиненных кочевых племен, не связанных своим происхождением с легендарным или реальным первопродком данного кочевого объединения. В зависимости от расположения при построении в войске и территорий расселения, эти племена делились на левое и правое крыло, восточную и западную часть. Внутри этих крупных подразделений обычно практиковалась система деления на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Не всегда эти цифры соблюдались буквально, и чаще они только условно соответствовали родам, племенам или каким-либо иным родовым единицам.

Расселение протоболгар. Определенные представления об особенностях этногенеза протоболгар, практически постоянном отсутствии этнического и политического единства в их среде можно получить также в результате анализа данных об исторической географии протоболгарского населения Восточной Европы в раннем средневековье. В качестве точки отсчета для создания такой историко-географической ретроспективы целесообразно выбрать период временной консолидации протоболгарских племен в составе Великой Болгарии Кубрата. Образование этого объединения кочевников явилось своего рода итогом развития этногенетических и социальных процессов, происходивших в Восточной Европе после гуннского нашествия. В это время начинается новый виток этногенеза протоболгар и новый период их истории. С другой стороны, историческая ситуация, сложившаяся к моменту распада Болгарии Кубрата, во многом повлияла на расселение протоболгарских групп после хазарской экспансии как за пределами Хазарского каганата в Дунайской Болгарии и Волжской Булгарии, так и в его составе, на землях Подонья, Придонечья, Приазовья и Прикубанья.

Сведения о расположении Болгарии Кубрата содержатся в "Бревиарии" патриарха константинопольского Никифора (Никифора патриарха..., 1950, с.349-387.; Чичуров И.С., 1980, с.60-61) и "Хронографии" Феофана. Оба произведения написаны в VIII в.

на основании какого-то одного общего источника кон.VII в. И Феофан, и Никифор в качестве основной территории Великой Болгарии описывают, прежде всего, земли, расположенные между Кубанью и Доном, что соответствует "узкой" локализации границ этого объединения. На первый взгляд, несмотря на известную специалистам путаницу в географии Восточной Европы (кавказские истоки Дона, восприятие Дона как рукава Волги, Кубани как Южного Буга), кажется, что названные источники не дают достаточных оснований, для того, чтобы распространять границы конфедерации западнее Дона. Но, если внимательно изучить описанное авторами расселение "сыновей" Кубрата после его смерти и распада Великой Болгарии, то окажется, что здесь представлена, в основном, историческая география протоболгарских племен, существовавшая еще в VI в. н.э., до их объединения Кубратом.

К событиям, связанным с хазарской экспансией 660 г., можно отнести только подчинение хазарам Батбая, который остался на своей территории в Восточном Приазовье, и уход на Дунай орды Аспаруха. Расселение двух последних "братьев" никак не связано с распадом Болгарии Кубрата, эти группы протоболгар никогда не входили в это объединение, а были с 560 г. подчинены аварскому кагану, что признает большинство историков. Наиболее интересным местом рассказа Феофана и Никифора о разделе территории Великой Болгарии после смерти Кубрата является упоминание о том, что Котраг перешел Танаис и поселился напротив Батбая. Большинство историков считает, что под ордой Котрага следует понимать племя кутригуров, входивших в конфедерацию наряду с утригурами Батбая, и что вымышленный сын Кубрата Котраг является просто отражением этого этнонима. Но кутригурам совсем не нужно было переходить Дон и поселяться там, поскольку они еще в VI в. освоили эту территорию.

Расселение протоболгарских племен до образования Великой Болгарии, а потом факт вхождения их в состав Болгарии и, затем, нахождение их на тех же землях после распада конфедерации может свидетельствовать о том, что в 630-660 гг. в ее границы входили племенные территории и утигуров, и кутригуров. Поскольку утигуры во главе с Кубратом были инициаторами объединения, то их территория в Восточном Приазовье и была описана Феофаном и Никифором, как ядро конфедерации. Учитывая тюркютский принцип социальной организации протоболгарских племен, деление на центр, левое и правое крыло, внутреннюю – главенствующую и внешнюю – подчиненную части, можно предположить, что Феофан и Никифор действительно описали только "внутреннюю" Болгарию, располагавшуюся в Восточном Приазовье (Ваклинов С., 1977, с.16). Таким образом, установив границы племенной территории кутригуров и присоединив ее к землям утигуров, можно получить представление о реальных границах Болгарии Кубрата.

Расселение и тех, и других в VI в. хорошо известно из "Войн с готами" Прокопия Кесарийского. "...Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого "Меотийского болота" и до реки Танаиса, который впадает в "Болото". Само это "Болото" вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут ... теперь зовутся утигурами" (Прокопий из Кесарии, 1950, с.384). Далее он же отмечает, рассказывая о взаимном расселении кутригуров и утигуров: "...так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону Болота (на запад), то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними" (Прокопий из Кесарии, 1950, с.387-388). "...За Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны" (Прокопий из Кесарии, 1950, с.523). "...Если идти из города Боспора в город Херсон..., то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов..." (Прокопий из Кесарии, 1950, с.526). Последняя цитата позволяет говорить о том, что и степи Крымского полуострова входили во времена Прокопия в зону кочевий кутригуров, ибо других "гуннов" тогда там уже не было. Гепиды в сер.VI в. в поисках союзников для войны с лангобардами и римлянами "...послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского болота...". В ответ на это Юстиниан отправил послов "...к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону Меотийского болота..." (Прокопий из Кесарии, 1950, с.434). Причем тогда же для войны с кутригурами утигуры "всем народом перешли реку Танаис" (Прокопий из Кесарии, 1950, с.435).

Таким образом, кочевья кутригуров, до вступления их в союз с аварами в 60 гг. VI в., располагались в степях Приазовья и Причерноморья между Доном и границами Византии, поскольку источники, рассказывающие об их нападениях на земли империи, не упоминают никаких промежуточных народов и позволяют говорить о непосредственном соседстве. После освобождения от власти авар в 630 г., по крайней мере, часть кутригуров вернулась на свои исконные земли и вошла в состав Великой Болгарии. Вероятно, что степи между Доном и Днепром никогда не пустовали, и какая-то часть кутригуров всегда кочевала здесь. Просто между 560 и 630 гг. этот участок степи был пограничным между двумя непримиримыми врагами – тюркютами и аварами, что не могло не осложнять жизнь местного населения и не способствовало увеличению его численности. Возможно, что в какие-то периоды тюркюты могли претендовать на степное Днепро-Донское междуречье, и граница между каганатами проходила по Днепру. После падения тюркютского каганата и войны с аварами в 630 г., протобол-

гарские племена, вошедшие в Великую Болгарию, унаследовали восточную границу, проходившую по Днепру.

Традиции освоения степных просторов Восточной Европы, появившиеся у протоболгар еще в VI в., нужды кочевого хозяйства, ландшафт и климат занимаемой территории наряду с влиянием сложившейся в 630 г. геополитической ситуации и определили границы Великой Болгарии. По всей видимости, в ее территорию входил Таманский полуостров и Фанагория, Правобережье Кубани, примерно до среднего течения, здесь на юге и юго-востоке протоболгары соседствовали с готами тетраситами, адыгами и аланами. В состав конфедерации входили также земли от восточного побережья Азовского моря, между устьями Кубани и Дона, до восточных склонов Ергеней и Сарпинских озер. Это ядро объединения, где-то здесь находилась ставка Кубрата, здесь же после его смерти располагалась орда Батбая и, возможно, Аспаруха до нападения хазар и ухода последнего на Дунай. Сарпинские озера и просторы Ставропольской возвышенности на тот период можно рассматривать как естественную границу между усиливающимися воинственными хазарами и "бесчисленными как песок морской" (Коковцов П.К., 1932, с.92) болгарскими Кубрата.

Кутригуры или котраги занимали степи между Доном и Днепром, в основном, Северное Приазовье и степную часть Крымского полуострова. Отсутствие упоминаний письменных источников о кочевниках в Крыму в VII в. в дохазарское время можно объяснить двумя причинами. Во-первых, известной малочисленностью византийских исторических сочинений периода иконоборчества. Во-вторых, известно, что по договору с Ираклием у Болгарии Кубрата и Византийской империи вплоть до смерти обоих правителей и распада кочевой конфедерации сохранялись мирные отношения, следовательно, у авторов исторических сочинений не было повода для специального разговора о привычных для их взгляда кочевьях протоболгар, располагавшихся в степной части полуострова. В то же время, археологические материалы подтверждают, что Крымские степи были заселены кочевниками и в период существования Болгарии Кубрата, и после ее распада (Айбабин А.И., 1990, с.72; Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н., 1993, с.215).

Северная граница владений кутригуров между Днепром и Доном могла проходить по югу лесостепной зоны, где в то время еще встречаются памятники пеньковской культуры и замечены элементы взаимодействия кочевой болгарской и оседлой антской культур (Приходнюк О.М., 1996, с.114-125, Флёрв В.С., 1996, с.8-24, 33-36). Косвенно о северных и северо-западных границах Великой Болгарии позволяют судить данные о расселении протоболгарских племен после хазарской агрессии и потери ими самостоятельности. Помимо уже отмеченных

сведений письменных источников, для этого могут быть использованы археологические материалы. Прежде всего, это, по крайней мере, часть памятников перещепинского круга, датируемых обычно кон. VII – нач. VIII в., и могильники болгарского варианта салтовской культуры VIII-X вв.

Ландшафтные, климатические, гидрографические и пастбищные характеристики Днепро-Донецкой лесостепи (Демченко М.А., 1965, с.48-57) благоприятны для ведения кочевого скотоводческого хозяйства и также могут свидетельствовать в пользу освоения этой территории населением Болгарии Кубрата.

Внутреннее устройство Великой Болгарии и проблемы этногенеза

После определения общих границ Великой Болгарии появляется возможность несколько уточнить и ее внутреннее устройство. Это позволяет сделать знание уже упомянутой социально-политической организации объединения; имеющиеся представления о хозяйственном цикле кочевых народов; упоминания письменных источников о племенном делении протоболгарских племен до, во время и после существования Болгарии Кубрата; и, наконец, сведения об использовании этой территории кочевыми народами, заселявшими степи Предкавказья, Покубанья, Приазовья, Подонья, Калмыкии и Крыма в другие исторические эпохи.

Во-первых, как уже отмечалось выше, социально-политическое устройство Болгарии Кубрата было аналогично устройству державы тюркютов, а сходное устройство присуще многим тюрко-монгольским кочевым народам от гуннов до монгол Чингиз-хана и далее, вплоть до казахских орд XVIII-XIX вв. Болгары Приазовья ничем не отличались от других кочевых народов своего времени, более полувека находились под управлением удельных тюркютских ханов и входили в военно-административную систему тюркютского каганата. Это дает возможность предполагать деление кочевого протоболгарского народа на ряд административных единиц, роль которых в то время могли играть племена и конфедерации племен. Учитывая сложный этнический состав протоболгарского объединения, что подчеркивается многими авторами (Ангелов Д., 1986, с.29-38; Рашев Р., 1993, с.250-254; Димитров Д.Ил., 1987, с.101-108), в качестве двух основных таких единиц можно рассматривать кутригуров и утигуров, игравших роль правых и левых, западных и восточных, роль центра должна была играть владельческая орда (племя) оно- или гунно-гундуоров. Как известно, и утигуры, и кутригуры были родственными, "говорящими на одном языке и ведущими одинаковый образ жизни, но управляемыми разными вождями" союзами племен, и сами могли состоять из нескольких более мелких групп кочевого населения. Уже, исходя, хотя бы из этого, трудно предполагать кочевание всего населения Великой Болгарии по одному маршруту – "большому кочевому кольцу" (Ба-

ранов И.А., 1990). Можно говорить о наличии нескольких племенных территорий, входивших в пределы границ Великой Болгарии, на которых и осуществлялось кочевание отдельных групп протоболгарского населения.

Во-вторых, на ту же мысль наталкивает изучение закономерностей кочевого хозяйства. Известно, что кочевники, несмотря на отсутствие четко определенной частной собственности на землю, обычно, осуществляют движение по степи небольшими подразделениями типа айлов, входящими в роды и племена. Они знают маршруты своих перекочевок, территории летних, зимних и др. пастбищ и воспроизводят их из года в год. Поскольку протоболгарские племена еще, по крайней мере, в VI в. н.э. освоили степи Восточного и Северного Приазовья, Подонья, Прикубанья и Крыма, они не могли не выработать таких маршрутов, позволяющих наиболее рационально использовать пастбищные ресурсы и климатические условия, и не разделить известные им степи между племенами, родами и даже айлами.

В-третьих, на существование нескольких таких протоболгарских племен и особых племенных территорий указывают и письменные источники. В Новом списке армянской географии отмечено, что "к северу от них живут народы Турков и Болгар, которые именуется по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Блкар пришельцы, Чдар-Болкар..." (Патканов К., 1883, с.29). Здесь говорится не только о наличии в Покубанье и Приазовье в кон. VI – нач. VII в., по крайней мере, четырех болгарских племен, но и о том, что их земли привязаны к бассейнам рек, что также очень характерно для многих кочевых народов древности и средневековья. Именно реки являлись естественными рубежами, делившими их племенные территории и определявшими направление маршрутов перекочевок.

На наличие издавна закрепленных племенных кочевий указывает и факт быстрого распада Болгарии Кубрата на ряд орд, управляемых его сыновьями, о чем пишут Феофан и Никифор. Очевидно, что это разделение только узаконило обычное состояние дел, и отсутствие центральной политической власти не повлияло на расположение составных частей объединения, которые продолжали быть привязанными к берегу Азовского моря, Кубани, Дону и, возможно, Днепру.

В-четвертых, известно также, как описанную территорию использовали другие кочевые народы. Вероятно, что протоболгары эксплуатировали эти земли примерно так, как и их предшественники, и последующие владельцы.

В скифо-сарматское время степи Приазовья, Причерноморья и Крыма использовались как зимние пастбища (Страбон, 1964; Гаврилюк Н.А., 1995, с.35-38), таким же был режим их эксплуатации во времена акациров в V в. н.э. (Прокопий из Кесарии, 1950, с. 384; Иордан, 1960, с.72).

После распада Болгарии Кубрата, по данным археологии, зимние кочевья протоболгар кон. VII –

нач. VIII в. находились в Нижнем Подонье и по берегам Азовского моря (Плетнева С.А., 1999, с.132-150).

По крайней мере, часть печенегов в IX в. использовала степи Северо-Западного Приазовья и, возможно, Крыма как зимние пастбища (Константин Багрянородный, 1991, с.155-159).

В XI-XII вв. у половцев наблюдается концентрация зимних угодий на северном берегу Азовского моря в районе рек Молочной и Миуса, в Нижнем Поднепровье, отдельная половецкая орда занимает восточное побережье Азовского моря и Покубанье (Кудряшов К.В., 1948, с.124; Плетнева С.А., 1990, с.149-153).

В Золотой Орде с XIII по нач. XV в. естественными границами кочевий ханских темников являются большие реки Восточной Европы – Волга, Дон, Днепр, вдоль течения которых и располагались сезонные пастбища: на юге, в районе устья этих рек у Каспийского, Азовского и Черного морей, – зимние, на севере, в лесостепи, – летние (Гильом де Рубрук, 1997, с.86-187; Егоров В.Л., 1985, с.49, 53).

Потомки половцев и монголо-татар, кубанские ногайцы, еще в XVIII в. зимовали в низовьях Кубани и на восточном берегу Азовского моря, а лето проводили в среднем течении Кубани, в предгорьях Кавказа и на западе Ставропольской возвышенности (Георги И.И., 1799, с.38-39). Крымские татары и ногайцы проводили зиму в степях Крыма, Присивашье, Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье, причем восточной границей их кочевий были или Миус, или Молочная (Сыроечковский В.Е., 1940, с.3-71).

Калмыки в XVIII-XIX вв. летом кочевали в Высокой Степи между Доном и Волгой и Ергенями, а зиму проводили в низовьях Маныча, у берега Азовского моря, на Сарпинских озерах и в так называемых мочагах или черных землях в Северо-Западном Прикаспии (Костенков, 1868, с.98-99).

Исходя из рассмотренных данных, а также эколого-хозяйственных возможностей изучаемого региона, можно предположить существование, по крайней мере, четырех (а, возможно, и более) племенных территорий в составе Великой Болгарии (Тортика А.А., 1997, с.66-67).

Это: 1. Ядро объединения, в низовьях Кубани, включая Таманский полуостров с Фанагорией, и на восточном побережье Азовского моря примерно до Маныча – зимник, часть Ставропольской возвышенности до верховий Егорлыка – летник. От Кубани до Маныча и Дона побережье Азовского моря разрезано на примерно равные участки такими реками как Бейсут и Ея, вдоль которых могли кочевать крупные родовые подразделения или даже подплемена протоболгар. 2. Вдоль Маныча, между Манычем и Доном и в низовьях Дона на левом берегу – зимник, в Ергенях и Высокой степи – летник. Эти протоболгары еще до образования Великой Болгарии и распада Западного тюркютского каганата могли использовать земли вплоть до низовий Волги и конкурировать с хазарами и барсилами из-за Мочаг. 3. Западнее Дона, в его низовьях, по северному берегу Таганрогского залива и

Азовского моря до реки Молочной – зимник, на север, возможно, до Северского Донца – летник. Между Доном и Молочной в Азовское море впадают такие реки как Миус, Грузской Еланчик, Кальмиус, Берда, низовья которых могли служить хорошими зимними пастбищами для отдельных протоболгарских родов. 4. Степной Крым и Северо-Западное Приазовье – зимник, степи левого бережного Поднепровья и Донецкого кряжа – летник. Возможно, что, вследствие засушливого климата, а также пограничного с аварским каганатом положения, эта территория была наименее населенной, и поэтому она прямо не упоминается авторами письменных источников в составе Великой Болгарии, но она не могла не входить в ее сферу влияния, что было показано выше (Тортика А.А., 1999, с.10-11).

Первые две племенные территории можно связать по логике событий болгаро-хазарской войны 60-70 гг. VII в. и предыдущей историей болгарских племен с утигурским племенным массивом. Первую – с утигурами Батбая или Купи (Кубань) – Болгар армянской географии, подчинившегося хазарам, давшими потом начало Черной Булгарии IX-X вв., вторую – с оногурами Аспаруха, возможно, Огхондор-Блкар, находившимися в несколько большем отдалении от хазар и успевшими покинуть свои кочевья и сохранить самостоятельность, поскольку именно с Ергеней (Гиппийских гор) “сын Хубраата” отправился на Дунай (Патканов К., 1883, с.29).

Третью и четвертую территории можно связать с кутригурами или котрагами, традиционно занимавшими степи между Доном и Днепром. Возможно, наиболее западная их часть и носила имя Дучи-Булкар армянской географии, от дучи – кучи – Днепра (Димитров Д.Ил., 1987, с.105-106). Оставшиеся Чдар-Блкар нового списка армянской географии могут быть локализованы на правом берегу Дона.

Известно, что после смерти Кубрата и распада Великой Болгарии, образовавшиеся в результате этого племенные союзы недолго сохраняют независимость. С 70 гг. VII в. болгар подчиняют хазары, которые распространяют свою власть на степи Азово-Каспийского междуморья, низовья Дона, Крым, Днепро-Донское междуречье. На 2-ю пол. VIII – IX в. приходится пик могущества каганата, когда его территория была наибольшей за всю историю. В его состав входят: Степной Крым и восточная часть побережья от Керчи до Судака, горный Крым – Готия; степи между Днепром и Доном, населенные болгарами-кутригурами; лесостепное Подонье и Придонечье, оседлую часть населения которого составляли аланы, а кочевую, в основном, болгары и, судя по данным археологических источников, отдельные тюркские или тюрко-угорские роды; Восточное Приазовье и Прикубанье, жителями которых в то время были болгары-утигуры, аланы и адыги; пространство между Азовским и Каспийским морями, со смешанным алано-болгарским населением; степи между Волгой и Доном, вплоть до перевалов, в районе которой обитали также подчиненные хазарам буртасы. Аланы Северного Кавказа, так же как

и Волжские Булгары в этот период в той или иной степени зависели от хазар; находились в русле их политики в регионе, выставляли воинские контингенты или выплачивали дань, а дочерей своих правителей поставляли в гарем хазарского кагана. В этот же период данниками хазар являлись поляне, северяне и вятичи. Хазары контролировали водные пути по Волге и Каспийскому морю, по Дону, Северскому Донцу и Азовскому морю, вероятно, также и по Днепру. Возможно, что через территорию Хазарии в это время проходил и один из вариантов "великого шелкового пути" (Плетнева С.А., 1996, с.150).

В течение всей истории Хазарского каганата подчинявшиеся хазарам народы сохраняли внутреннее самоуправление и собственную правящую верхушку, они имели свое независимое хозяйство и вели привычный образ жизни. Их участие в жизни каганата проявлялось в регулярной выплате дани, предоставлении воинских контингентов в распоряжение кагана, несении пограничной службы, охране торговых путей и соблюдении интересов внешней политики хазар. Тудуны кагана на местах контролировали выполнение этих функций, но не посягали на власть местных феодалов над принадлежавшими им группами населения и территориями (Михеев В.К., Тортика А.А., 2000, с.156).

Результаты, полученные в ходе анализа ранне-средневековой истории протоболгар, их кочевой культуры и уровня социального развития, а также исторической географии юга Восточной Европы во время существования как Болгарии Кубрата, так и Хазарского государства, позволяют приступить к реконструкции исторической и этнокультурной ситуации, сложившейся в Подонье и Приазовье после хазарской экспансии и подчинения основной части протоболгарских племен Хазарскому каганату.

В первые годы после поражения от хазар, по всей видимости, происходит частичное разрушение прежней системы расселения протоболгар и их племенной структуры. Как известно, орда Батбая относительно безболезненно входит в состав Хазарии и сохраняет кочевья в Покубанье, Аспарух со своими оногурами переселяется на Дунай, а Котраг (кутригуры, по крайней мере, значительная их часть) – на Волгу. Скорее всего, в это время в интересующем нас регионе между Доном и Днепром перестают существовать крупные протоболгарские племенные союзы и даже племена. Осколки кочевых групп разного племенно-

го происхождения: кутригуры, утигуры, оногуры и т.д. ищут убежища от хазар на окраинах степной зоны в Крыму, на левом берегу Днепра и в Донецкой лесостепи. Хазары преследуют их, частично уничтожают, грабят, отнимают скот и постепенно подчиняют своей власти. В этих экстремальных условиях старые родовые объединения ослабевают или совершенно исчезают, на их месте, на основе слияния выживших и сохранившихся групп или отдельных семей, возникают новые кочевые роды и аилы. Происходит смешение различных традиций, в том числе и погребальных, возникают новые варианты погребальной обрядности. В каждом отдельном случае различный пропорциональный состав представителей тех или иных этнических групп в составе новых родоплеменных структур варьировал, и это определяло формирование у их потомков определенных культурных традиций и особой погребальной обрядности.

Подобное положение дел достаточно типично для кочевого мира и неоднократно повторялось в течение кочевой истории Евразийских степей. Благодаря сходству и одинаковому уровню культуры, хозяйства, социального устройства и этнопсихологии, различные кочевые народы легко, гораздо легче, чем оседлые, смешивались и ассимилировали друг друга. Процесс такого смешения перманентно происходил в кочевой среде в ходе войн и переселений, создания или гибели тех или иных кочевых союзов, каганатов, империй. Входявшие в кочевое объединение племена уже изначально могли иметь достаточно сложную этническую структуру, состояли из родов разного происхождения. После распада таких объединений и возникновения новых союзов или государств, отдельные роды отпадали от одних ослабевших племен и добровольно или насильственно присоединялись к другим. Если период стабильности в рамках образовавшейся социально-политической структуры продолжался достаточно долго, то на основе описанных родоплеменных конгломератов возникали относительно компактные кочевые этносы. Их имена становились известными соседям и историкам в результате военных побед и территориальных захватов: это – гунны, тюркюты, хазары, печенеги, половцы, монголы и т.д. При этом отдельные родовые единицы, входившие в состав таких народов, часто долго хранили память о своем особенном происхождении и связанное с этим родовое название.*

---

* Отмеченные особенности этногенеза кочевых народов легко представить в виде следующей условной модели. Возьмем четыре примерно одинаковые группы шариков разного цвета: зеленого, красного, синего и желтого. Каждый цвет – это отдельный кочевой протоэтнос, каждая группа отдельного цвета – это племя. Первоначально племена состоят из шариков только одного цвета. Затем закроем глаза и произвольно перемешаем все шарики, а потом снова разделим их, но уже не на четыре, а на три примерно равные группы. Возникшие разноцветные образования с разным пропорциональным составом тех или иных цветов (родовых объединений разного этнического происхождения) создадут типичную картину кочевого этногенеза. Такие перемешивания и разделения могут происходить неоднократно, а, со временем, в этом процессе могут появляться новые цвета и их сочетания.

Постепенно, к кон.VII – нач.VIII в., военно-политическая ситуация в рамках Хазарского каганата стабилизируется. Поскольку хазары сами не переселяются на запад от Дона, то Приазовье, степи и лесостепи между Доном и Днепром вновь осваиваются протоболгарами. Они восстанавливают свое кочевое хозяйство, возобновляют систему сезонных перекочевок и пастбищ, существовавшую до нападения хазар. Можно предположить наличие меридиональных кочевых маршрутов, проходивших по водоразделам и вдоль берегов больших и малых рек Днепро-Донского междуречья. Зимние пастбища в этом случае должны были располагаться на юге, в Приазовье, а летние – на севере, в Донецкой лесостепи. По всей видимости, в это время они кочуют небольшими подразделениями – аилами, управлявшимися отдельными предводителями, подчинявшимися хазарским тудунам. Хазары не были заинтересованы в консолидации таких родовых групп и создании крупных протоболгарских племен или племенных союзов. В результате, в течение всей истории каганата, они сохраняют элементы культурной и этнической обособленности, проявляющиеся, видимо, и в поливариантности погребального обряда. В то же время общим культурным фоном для них является салтово-маяцкая культура хазарского времени.

Отдельные протоболгарские аилы, обретшие убежище на севере лесостепи во время хазарских набегов, видимо, так и не нашли выходов к южным Приазовским пастбищам и осуществляли свой хозяйственный цикл в рамках лесостепной зоны в районе Северского Донца и Оскола. Здесь, на окраине степной зоны, лишённые привычной степной пастбищной базы они постепенно переходят к полуоседлости. Вместе с аланами они формируют лесостепную или Придонецкий локальный вариант салтово-маяцкой культуры. Вероятно, именно такими протоболгарскими группами смешенного состава и были оставлены могильники типа Волоконовского, Сухогомольшанского или Красногорского. Представители оставивших эти могильники общин, наряду с аланами, а иногда, возможно, в составе аланских феодальных образований, в качестве отдельной территории входили в состав Хазарского каганата и несли военную службу на границе со славянскими племенами и Киевской Русью. Этнический состав этих общин был достаточно пестрым и не может быть охарактеризован в целом. По этой причине попытки связать неаланское население Подонья-Придонецья с каким-то одним этносом, упоминающимся в письменных источниках, представляются неконструктивными. Гораздо перспективнее, на наш взгляд, пытаться определять этнические особенности каждого отдельного могильника как памятника, оставленного отдельной родовой группой, имевшей свою, особенную историю формирования и постепенно превращающейся в территориальную общину в составе феодальных владений Хазарского каганата. Рассмотрим далее, как проявлялись отмеченные особенности этнического состава и общественного устройства про-

тоболгарских племен Подонья-Придонецья на конкретных примерах могильников и отдельных погребений, обнаруженных археологами в этом регионе.

Этногенез по данным погребального обряда

Как показали археологические исследования на болгарских могильниках VIII-IX вв. верхнего течения Северского Донца, здесь, наряду с обычными рядовыми погребениями так называемого “зливкинского” типа, присутствуют и захоронения, в которых погребенных сопровождал целый конь, его части (череп, кости ног) или конское снаряжение (Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996, рис.1-3; Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И., 1996, табл.1). Эти отличия в погребальном обряде позволяют говорить о наличии разных погребальных традиций у оставившего данные могильники протоболгарского населения, а следовательно, и об особых этнических составляющих воинского сословия и господствующего слоя в пределах Северо-Западной Хазарии. Развитие раннефеодальных отношений в Хазарском каганате не могло не привести к некоторой нивелировке различий в погребальной обрядности у рядового населения, в то же время социальная верхушка общества, в силу ряда объективных причин, продолжала сохранять свои старые традиции. Следует обратить особое внимание на этот факт, ибо современными исследователями все большее внимание уделяется поиску доказательств участия различных этнических групп в процессе формирования раннесредневековых протоболгар. В частности, по мнению болгарского историка Р.Рашева, иранский этнос юга Восточной Европы вошел в основу рядового протоболгарского населения, тогда как социальная верхушка протоболгар, оставившая богатые погребения типа Малое Перещепино-Мадара, была тюркской по происхождению (Рашев Р., 1993, с.251-252, 253). В то же время В.Бешевлиев попытался доказать наличие трех этнических элементов в составе протоболгарской племенной верхушки: тюркского, иранского и угро-финского (Бешевлиев В., 1981, с.22). В связи с этим, поиску и выявлению различных этнических составляющих протоболгарского населения на материале, в основном, богатых погребений из протоболгарских могильников верхнего течения Северского Донца посвящено дальнейшее содержание настоящей работы. При этом, в качестве одного из основных этноопределяющих признаков погребений воинской социальной верхушки, предлагается рассматривать сопровождающие их те или иные варианты конских захоронений.

По мнению Е.В.Круглова, для протоболгарских погребений кон.VII – нач.VIII в. характерно помещение останков коня в виде целой конской туши или ее частей непосредственно над погребением человека, на деревянном перекрытии или в засыпке могильной ямы (Сивашское, Сивашовка, Дымовка и др.) (Круг-

лов Е.В., 1992а, с.33; Орлов Р.С., 1985, с.104-105). На границе с лесостепью захоронения с конем этого типа встречаются на протоболгарском грунтовом могильнике 2-й пол.VII в. у с.Рябовка на р.Ворсклица (Полтавская обл.) (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993). В памятниках салтовской культуры бассейна Северского Донца подобный тип представлен лишь единичными захоронениями с протоболгарских могильников, для которых характерна различная ориентировка умерших: восточная – Нетайловский могильник (п.2, 4), западная – могильник Красная Горка (п.128, 289/к-28) (рис.1; 1, 2). К сожалению, все эти погребения в древности подверглись обряду обезвреживания покойников или были ограблены, но размеры могильных ям и состав конских останков позволяет утверждать, что непосредственно над погребением человека находились целые костяки коней.

Очень близко этим памятникам, по чертам обряда конского захоронения, погребение 103/к-7 могильника Красная Горка (Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996, рис.1, 2). Здесь расположение костяка коня лишь частично соответствует болгарской погребальной традиции. Над человеком, на крышке гроба, покоилась только передняя часть коня, заваленного на левый бок вместе с передними конечностями, тогда как задняя часть коня занимала свободный край могильной ямы (рис.2; 2). Подобное расположение конских останков было отмечено также в погребении 2-й пол.VII в. (№ 3) на протоболгарском грунтовом могильнике у с.Рябовка. В погребении из Рябовки над нижней частью человеческого костяка залегали кости передней половины лошади, лежавшей в анатомическом порядке и ориентированной также, как и скелет человека. Отсутствие в захоронении задней половины лошади, в данном случае, может быть объяснено чисто утилитарным подходом родственников умершего: задняя часть лошади была съедена на поминках, тогда как передняя часть была положена в могилу. По-видимому, в этом и подобных ему захоронениях наблюдается процесс некоторой модификации протоболгарской погребальной традиции. Изменение в расположении коня (из положения над телом человека к ногам человека и еще дальше), по-видимому, связано с повышенной заботой родственников об умершем.

Опасность падения коня на человека, существовавшая в реальной жизни, вероятно, была учтена и в ходе ритуального размещения останков коня над погребением человека. Это проявилось в разнесении в пространстве захоронения коня и его хозяина, в размещении коня в могильной яме уже после того, как тело покойного было засыпано землей. Так, например, во многих погребениях тюркоязычных кочевников тело человека отделялось от туши коня стенкой из камней, колод, конь размещался на ступеньке, в отдельной яме, а в некоторых – ниже уровня расположения человека (Нестеров С.П., 1990, с.75).

Проявление подобной формы заботы об умершем нашло отражение и в ряде захоронений с конем на могильнике у с.Красная Горка (70/к-5, 77/к-3, 93/к-6, 100/к-8, 140/к-12, 200/к-18, 209/к-10, 293/к-34, 305/к-32) (Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996, рис.1, 1; 2, 1, 2). Останки коня в этих погребениях занимают место на свободном участке могильной ямы в ногах у человека (рис.2; 3, 1). При этом ориентация у человека и у коня совпадают. В погребении 140/к-12 захоронение коня находилось в более глубокой яме, чем яма человека, и было отделено земляной перемышкой в 5 см от погребения человека. Захоронения коней из курганов 11, 14, 31, 23 на могильнике Красная Горка были удалены на 2-3 м от погребений своих хозяев – 144, 145, 199, 282 соответственно. Подобное размещение погребений людей и принадлежащих им коней отмечены также на протоболгарском Крымском могильнике (п.141, 88, 119 и захоронения коней 132, 96, 113 соответственно) (Савченко Е.И., 1986), на могильнике Дюрсо (Дмитриев А.В., 1979а, с.212-231). Обряд захоронения коня в отдельной яме, не вдалеке от могилы хозяина, сохранился у тюркских народов до кон.XIX в. (Катанов Н.Ф., 1894, с.117).

На могильнике Красная Горка встречен также ряд захоронений (75/к-4, 150/к-13, 219/к-20, 245/к-17, 264/к-24, 288/к-30), которые находят прямые аналогии в подкурганых погребениях тюркоязычных кочевников VI-XIII вв., расположенных на территории от Алтая до Паннонии. Для этих погребений характерно размещение целого костяка коня справа от человека в общей простой могильной яме (рис.1; 3-8). При этом и конь, и человек ориентированы в одном направлении (Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К., 1996, рис.3, 1, 3). В отмеченных захоронениях человеческие останки находились в деревянных (дубовых) гробах-ящиках с дном и крышкой, изготовленных без помощи гвоздей, скоб, шиповых соединений (Михеев В.К., 1990, с.49). Подобные единичные захоронения встречаются также на некоторых протоболгарских грунтовых могильниках Дунайской Болгарии (рис.5, 3) (№ 33 мог. Нови-Пазар, № 55 мог. Кюлевча, № 56 мог. Ножарево) (Станчев С.Р., 1958, с.11, 12, табл.XI; Вьжарова Ж.Н., 1976, с.114-119; Рашев Р., Станилов С., 1989, с.218). Эти захоронения отличаются от погребений могильника у с.Красная Горка отсутствием деревянных гробов, ориентировкой коня и человека головами в противоположные стороны. Однако, как и в погребениях Красногорского могильника, в этих погребениях костяк коня занимает место справа от человека. Варьирование ориентировки коня (черепом к голове человека или же к его ногам) вполне допустимо и встречается у родственных групп тюркоязычного населения (например, тип XVII и XVIII у Г.А.Федорова-Давыдова) – (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.125).

Захоронения могильника у с.Красная Горка и упомянутые выше погребения из могильников Дунай-

ской Болгарии существенно отличаются от подкурган-ных хазарских захоронений VIII-IX вв. Для хазарских погребений более характерно использование ямы с подбоем, наличие остатков мясной пищи в виде костей барана (рис.5; 1, 2), что типично для захоронений тюркоязычных кочевников VI-IX вв. Алтая и Сибири (Могильников В.А., 1981, рис.18, 1, 4-6; 20, 1; 24, 1, 3), а также размещение конских останков слева от человека при одинаковой их ориентировке (Айбабин А.И., 1985, с.200, рис.4; Круглов Е.В., 1990, с.171, рис.4; Круглов Е.В., 1992, рис.1, 1). Западная, с сезонными отклонениями, ориентировка хазарских захоронений и болгарских погребений с конем могильника у с.Красная Горка в этом случае свидетельствует о родственности обеих групп населения, что и находит отражение в письменных источниках (Гаркави А.Я., 1874, с.39). Западная сторона у тюркоязычных народов устойчиво связывалась с мотивами перехода в небытие, со страной предков (Традиционное мировоззрение ..., 1988, с.43). При размещении коня в могиле слева от человека, при одинаковой ориентировке обоих, человек находится с наиболее подходящей стороны (бока) для посадки на коня. То же самое наблюдается и при размещении коня справа от человека, когда они ориентированы в противоположные стороны (погребения с конем Дунайской Болгарии). Размещение же коня так, как это имеет место в погребениях могильника у с.Красная Горка, вероятно, может свидетельствовать о существовании у населения представлений, что в загробном мире все меняется своими местами и превращается в свою противоположность. Таким образом, правая сторона в мире живых, в мире мертвых становится левой и наоборот. Следует отметить, что подобные воззрения были отмечены у тюркоязычных народов еще в кон.XIX в. (Катанов Н.Ф., 1894, с.117). Характерно, что в некоторых впускных болгарских погребениях 2-й пол.VII – рубежа VII-VIII вв. из района, где помещают Великую Болгарию Кубрата (к.8, Старонижестеблиевский I могильник), конские останки также занимают место справа от человека (Атавин А.Г., 1996, табл.23). Таким образом, погребальная традиция, характерная для тюркоязычных народов, в протоболгарских захоронениях неизменно присутствует, начиная со времени Великой Болгарии Кубрата, и продолжает сохраняться и во время нахождения болгар в составе Хазарского каганата (захоронения Красногорского могильника).

Отдельно необходимо отметить, что в верхнем Подонечье известны также комплексы (Тополи, Кочеток) и могильники (Новая Покровка, Сухая Гомольша, Лысый Горб, Пятницкое, Красная Горка), содержащие кремационные погребения VIII-IX вв. (Кухаренко Ю.В., 1951; Дегтярь А.К., 1984; Шрамко Б.А., 1983; Михеев В.К., 1986; Михеев В.К., 1990). Этническая их принадлежность продолжает оставаться спорной, несмотря на существование четырех гипотез: славянской (Кухаренко Ю.В., 1952, с.49; Плетнева С.А., 1962, с.64), тюркской (Плетнева С.А., 1967, с.100-101), угор-

ской (Михеев В.К., 1982, с.166), иранской (Шрамко Б.А., 1983, с.50).

Достаточно большое число приверженцев имеет славянская версия. При этом пеньковские трупосожжения считаются наиболее вероятной подосновой салтовских кремационных захоронений, а позднепеньковское население едва ли не единственным возможным носителем этого обряда в Северо-Западной Хазарии (Афанасьев Г.Е., 1987, с.153; Михеев В.К., 1991, с.44). Основанием для такого вывода является единство территории распространения салтовских кремационных захоронений в бассейне Северского Донца с ареалом, который в этом же регионе в предшествующее столетие занимали памятники пеньковской культуры. Тем не менее, исследования последних лет показали идентичность салтовских трупосожжений из бассейна Северского Донца, по специфическим чертам погребального обряда и инвентарю, трупосожжениям Кубано-Черноморской группы (Борисово, Дюрсо, Казазово-2, Псекупский I) (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1996; Тарабанов В.А., 1999, рис.1-3). Также уже доказано существенное отличие салтовских трупосожжений (рис.6) от аналогичных по обряду захоронений киевской, черняховской, колочинской, пеньковской и волынцевской культур, что позволяет снова вернуться к мысли о принадлежности кремационных салтовских захоронений тюркоязычному населению, появившемуся в бассейне Северского Донца в кон.VII – нач.VIII в. (Зиньковская И.В., 1997, с.23). В то же время ряд исследователей продолжает считать носителем данного обряда представителей угорской группы населения, вошедшей в состав Хазарского каганата (Тарабанов В.А., 1994).

Для решения этого вопроса, как нам представляется, существенное значение имеет изучение биритуального могильника у с.Красная Горка. Уникальность этого памятника заключается в том, что захоронения с разным обрядом погребения на могильнике в некоторых случаях образуют относительно компактные группы, отделенные от других подобных групп свободным от погребений пространством. При этом кремационные захоронения довольно часто были впущены в засыпку погребений по обряду трупоположения, без разрушения последних. Так, в засыпку погребения с конем 75/к-4 было впущено два ямных сожжения (59 и 71) и захоронение человеческого черепа (64), в сопровождении незначительного погребального инвентаря и мясной жертвенной пищи. Сожжения были обнаружены в засыпке других ингумационных захоронений с конем: 289/к-28, 93/к-6. Такая же ситуация прослеживалась и на примере рядовых ингумационных погребений. В засыпке погребений 50, 74, 113, 243, 247, 274 были обнаружены трупосожжения 39, 58, 111, 237, 242, 268 соответственно. В засыпке погребения 36 находилось два кремационных погребения – 37 и 38. В ряде случаев, основное и впущенное в него захоронения были однообрядовыми. В погребение с конем 150/к-13 было впущено безынвентар-

ное захоронение подростка в колоде (142). Ямное сожжение 109 содержало два захоронения по обряду кремации (106, 108). Погребение 108 было совершено в урне и содержало достаточно богатый погребальный инвентарь, включавший предметы вооружения и конского снаряжения, смятый бронзовый котел, что позволило отнести его к высшему разряду воинских захоронений (Аксенов В.С., 1998, с.44, табл.2).

Такое сочетание отличающихся по обряду погребений свидетельствует о существовании в общине, оставившей могильник у с.Красная Горка, семей, принадлежавших, по-видимому, к разным, но родственным в этническом плане группам (родам, фратриям), и применявшим разный обряд захоронения своих умерших родственников. У тюркских же народов еще в XIX в. к представителям разных социальных групп населения применяли разный обряд погребения. Так, представителей социальной верхушки сжигали, а простых людей просто закапывали в землю или же бросали в степи (Катанов Н.Ф., 1894, с.117). Погребения по обряду кремации исследователи сибирских древностей соотносят с тюрками-тюгу (Вайнштейн С.И., 1966, с.61; Грач А.Д., 1968, с.211) или только представителями социальной верхушки тюркского общества (Кызласов Л.Р., 1960, с.51-53).

Исходя из вышесказанного, отмеченные трупосожжения из могильников, расположенных в бассейне Северского Донца, как нам представляется, следует связывать с представителями тюркского этноса, которые в социальной структуре местного салтовского общества занимали привилегированное положение. Последнее утверждение подтверждается фактом наличия среди трупосожжений Придонецья достаточно большого числа захоронений конных воинов. Интересно, что среди них удалось выделить погребения командиров небольших конных отрядов – сотников, социально маркирующим показателем для которых, как и у аланского населения (Афанасьев Г.Е., 1993, с.26-29, 39-42), является конский начельник в комплекте с 3-4 видами вооружения (Аксенов В.С., 1998, с.40). Находки конских начельников в ингумационных захоронениях ямных салтовских могильников Придонецья нам не известны. Это позволяет предположить, что данные сожжения принадлежат социальной верхушке местного общества – представителям тех древних тюркских родов (собственно тюркам), предки которых играли главенствующую роль в степных районах Юго-Восточной Европы в предсалтовское время, и которые, вероятно, оставили такие богатейшие комплексы как Келегеи, Малое Перещепино, Вознесенка. В условиях перехода господствующего военно-политического положения к хазарам, они потеряли значительную часть своей власти, но все же вошли в состав правящей верхушки Хазарского каганата, оставаясь правящей элитой местного протоболгарского кочевого общества.

На грунтовых болгарских могильниках Придонецья встречены и захоронения, в которых явственно

проступают черты угорского погребального обряда (рис.3, 2-5; рис.4, 2-4). К ним можно отнести наличие специально сделанных в торцевых стенках могильных ям ниш-подбоев, размещение в них частей коня (черепа, костей ног) в сопровождении конского снаряжения или только конской сбруи (Аксенов В.С., 1997, с.34, 35). Так, в погребении 127 Нетайловского могильника в нише-подбое находился целый костяк коня, здесь же лежала конская сбруя (Аксенов В.С., 1997, рис.1, 1). Вероятно, близкую конструкцию могильной ямы имели и п.п.23, 53, открытые на Нетайловском могильнике экспедицией Д.Т.Березовца (Иченская О.В., 1981, рис.3). Здесь же открыты захоронения с частями коня и конской сбруей (132, 171) или только конским снаряжением (144, 221), помещенным в ниши-подбоя (Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.О., 1997, рис.1; Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.О., 1996, рис.4; Аксенов В.С., 1997, рис.1, 3, 6).

Захоронения с целым костяком коня, расположенным в ногах хозяина перпендикулярно его телу (рис.3, 2-3), находят частичные аналогии в погребениях венгров, относящихся к эпохе обретения ими родины в Паннонии, и выделенные Ч.Балиндом в V группу (Балинд Ч., 1972, с.181). Данные захоронения сближает друг с другом по элементам обряда расположение конских останков в могиле, отличает же их состав (целый конь – растянутая шкура). Наличие в венгерских захоронениях растянутой в ногах человека шкуры коня сказалось на форме самой могильной ямы, которая в некоторых случаях, так же как и в погребении 53 Нетайловского могильника, имела “грушевидную” в плане форму (Балинд Ч., 1972, рис.1, 6).

Захоронения с черепом и костями конечностей коня в ногах хозяина хорошо известны также на Танкеевском могильнике (рис.5, 4-5) и подобных ему некрополях салтовского времени Южного Урала и Среднего Поволжья (Халикова Е.А., 1971, с.71), где подобные погребения относятся к смешанному тюрко-угорскому населению. Размещение в ногах человека свернутой шкуры коня (череп и кости ног сложены кучкой) является наиболее характерной чертой угорского погребального обряда, тогда как для захоронений тюрков более характерно наличие в могиле растянутой вдоль тела человека шкуры коня (Казаков Е.П., 1981, с.66; Казаков Е.П., 1989, с.83). Последнее находит подтверждение в болгарских захоронениях VI-VII вв. с территории Великой Болгарии Кубрата (Атавин А.Г., 1996, табл.4, 8, 12, 23). При этом, если для угорского населения характерно укладывание черепа коня лобной частью вверх, резцовой частью – к голове погребенного, над кучкой сложенных костей ног коня, несколько сбоку от ног человека, то в болгарских (с угорским влиянием) погребениях череп коня лежит на боку поперек могильной ямы (Казаков Е.П., 1984, с.105). Именно так были уложены останки коня в большей части погребений Больше-Тарханского могильника (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, рис.9, 10), в болгарских могильниках Подонья (Татаринов С.И., Копыл

А.Г., 1981, рис.2, 4; Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В., 1986, рис.7, 4). При этом в Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках, где большинство конских останков в погребениях уложено в соответствии с угорской традицией (рис.5, 6), известны единичные захоронения с конским черепом, уложенным поперек могильной ямы (Халикова Е.А., 1976, рис.2а; Халикова Е.А., 1971, рис.6, 10б). В погребениях же 180, 264, 298 протоболгарского Больше-Тарханского могильника останки коня были уложены в полном соответствии с угорской погребальной традицией (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, с.23, рис.8а). Аналогичным образом были уложены конские останки в тех немногих венгерских погребениях, которые были открыты на территории Украины (рис.5, 7) (Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988, рис.2, 7; Приймак В.В., Супруненко А.Б., 1994, с.81), и в п.34 протоболгарского могильника Лиманское Озеро (рис.4, 5). В последнем случае состав останков коня (сложенная шкура коня) и занимаемое ими место находят полное соответствие в погребениях II группы венгерских погребений IX-X вв. Паннонии (Балинт Ч., 1972, рис.1, 2). При этом лошадиные кости в венгерских погребениях II группы очень часто находятся выше, чем человеческие (Балинт Ч., 1972, с.178), что отмечается и в п.34 протоболгарского могильника Лиманское Озеро.

Интересен и тот факт, что только на Танкеевском могильнике встречены захоронения с подбойчиками в торцевой стенке у ног погребенных (рис.5, 4-5) (Халикова Е.А., 1971, с.84), аналогичные нишам-подбоям в захоронениях Нетайловского могильника, болгарских могильников у с.Желтое и Зливки (Красильников К.И., 1991, с.71; Швецов М.Л., 1991, с.115). На могильниках Среднедончья могильные ямы с подбоями у ног или головы отмечены в 8,3% болгарских захоронений (Красильников К.И., 1990, с.31). В VII-VIII вв. наличие ниш-подбоев с уложенной в них жертвенной пищей характерно для погребений турбаслинской культуры Южного Урала, которые соотносятся с пришлым степным населением (Мажитов Н.А., 1981, рис.12, 2-4). Появление ниш-подбоев, укладывание в них или у ног умершего свернутой шкуры коня в погребальном обряде протоболгарского населения Подонья мы склонны связывать с влиянием угорского компонента. Последнее было бы невозможно без тесных и продолжительных межэтнических контактов. Начало же этих контактов можно отнести к гуннскому времени.

Вопрос о выделении иранского компонента в составе протоболгар является наиболее сложным в контексте настоящего исследования. Достаточно распространенным является предположение об очень ранней тюркизации сармат, произошедшей еще в период становления гуннского племенного объединения и приведшей к формированию протоболгарского этнического массива (Смирнов А.П., 1951, с.10-12; Артамонов М.И., 1962, с.82-83; Ваклинов Ст., 1977, с.28-29). Существует мнение (основанное на материалах мо-

гильников VIII-IX вв. из Среднего Поволжья), что болгары имели близкую с сарматами антропологическую основу, и пришли на Волгу, уже имея в своем составе монголоидный элемент (Акимова М.С., 1964, с.184, 185). Черты иранского (сарматского) погребального обряда: подбой в одной из продольных стенок могилы, наличие в могиле мела или белых камней, присутствие мясной заупокойной пищи в виде костей барана, а также деформация черепов – отмечены исследователями в раннеболгарских памятниках новинковского типа из Среднего Поволжья (Матвеева Г.И., 1997, с.62). При этом, как показали антропологические исследования, новинковское население, по комплексу краниологических и одонтологических признаков, входило в круг распространения протоболгарских кочевых племен Поволжья, Подонья и было смешанным по своему антропологическому составу. При общей европеоидности новинковской серии, в ней присутствуют отдельные экземпляры с монголоидной примесью, которая больше всего проявилась в женской группе, тогда как мужским черепам, происходящим из могильников Среднего Поволжья, наиболее близка сборная антропологическая серия венгров “эпохи завоевания родины”, Больше-Тарханского могильника, а также серии из города Саркела, кочевников Башкирии (Матвеева Г.И., 1997, с.97-98). Антропологами отмечается также наличие этнических связей новинковцев с группами населения из Подонья (Саркел, Зливки) (Рудь Н.М., 1987, с.141). Вероятно, именно с этим населением следует связывать те брахикранные черепа монголоидного типа, которые были представлены в зливкинской серии (Наджимов К.Н., 1955, с.74). Т.А. Трофимова предположила, что брахикранные черепа монголоидного типа из Зливок могут принадлежать “угорской или какой-нибудь южной остяко-самодийской, возможно, также и тюркской группе населения, происходящей из лесной полосы Западной Сибири, ассимилированной “салтовцами” (Трофимова Т.А., 1956, с.112). Свидетельством такого положения дел могут служить отмеченные нами выше элементы тюркской и угорской погребальной обрядности в болгарских захоронениях салтовской культуры.

Другой антропологический тип, представленный в Зливках, брахикранный европеоидный, близок по своим морфологическим чертам к одному из типов сармат Поволжья (Наджимов К.Н., 1955, с.74; Дебец Г.Ф., 1948, с.256). Т.С.Кондукторова прямо указывала, что следы “сарматского” типа на территории Украины будут установлены в среде антропологически смешанного населения памятников типа Зливкинского могильника (Кондукторова Т.С., 1956, с.173). Исследования серии черепов из могильника Червоная Гусаровка (Михеев В.К., 1994, с.195) показали полное преобладание в ней европеоидных брахикранных и мезокранных черепов, близких по своим морфологическим показателям к черепам сармат, при полном их отличии от верхне-салтовского, нетайловского и зливкинского типов. Это тем более показательно, ибо за-

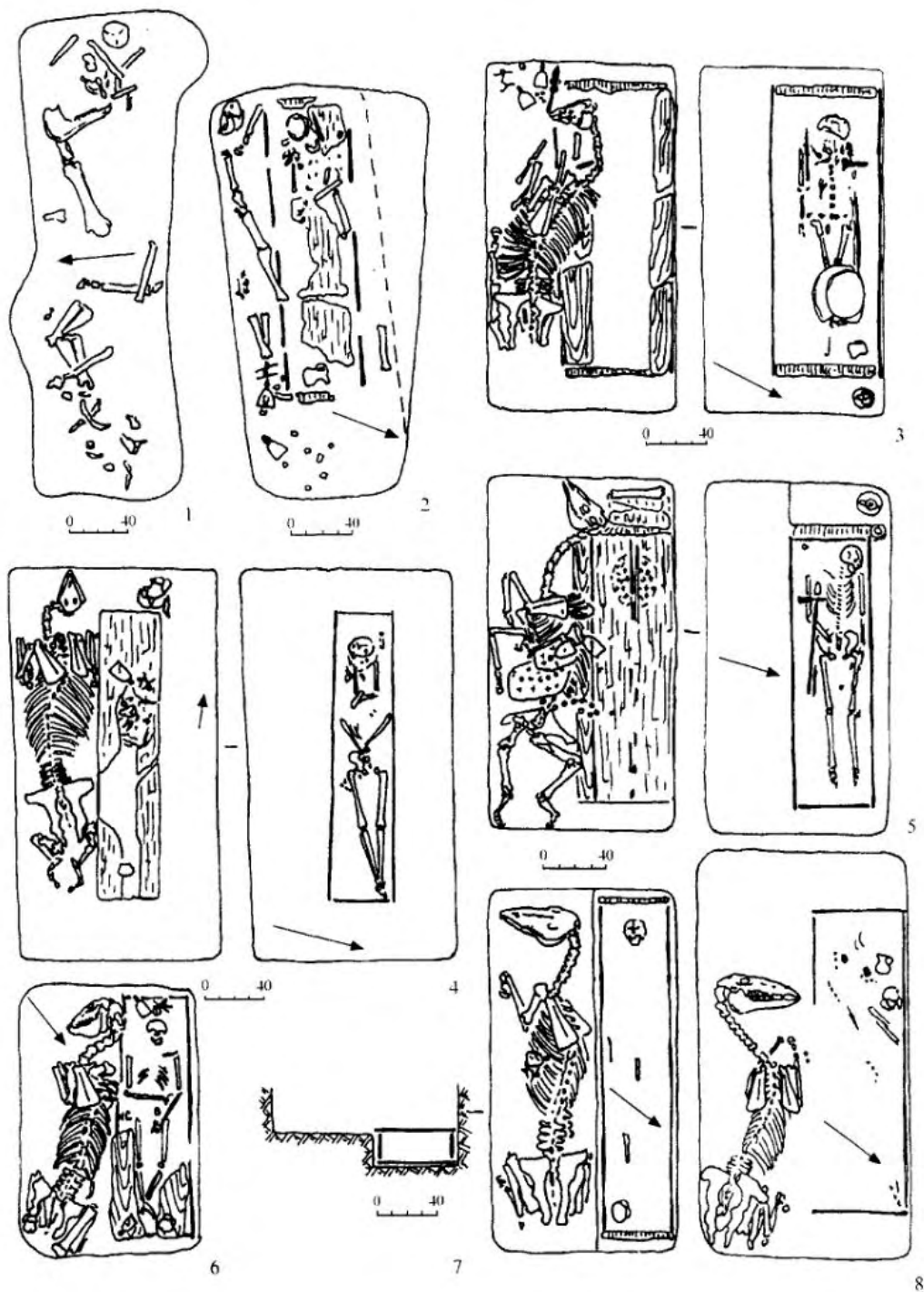

Рис. 1. Погребения с конем из могильников Красная Горка и Нетайловка. 1 – погр. №2 (Нетайловка); 2 – погр. №289/к-28; 3 – погр. №150/к-13; 4 – погр. №219/к-20; 5 – погр. №264/к-24; 6 – погр. №288/к-30; 7 – погр. №75/к-4; 8 – погр. №245/к-17 (Красная Горка).

Fig. 1 Interments with a horse from the burial grounds of Krasnaya Gorka and Netailovka. 1 – int №2 (Netailovka); 2 – int. №289/к-28; 3 – int. №150/к-13; 4 – int. №219/к-20; 5 – int. №264/к-24; 6 – int. №288/к-30; 7 – int. №75/к-4; 8 – int. №245/к-17 (Krasnaya Gorka).

Abb. 1. Bestattungen mit Pferd aus den Gräberfeldern Krasnaja Gorka und Netajlovka. 1 – Grab 2 (Netajlovka); 2 – Grab 289/к-28; 3 – Grab 150/к-13; 4 – Grab 219/к-20; 5 – Grab 264/к-24; 6 – Grab 288/к-30; 7 – Grab 75/к-4; 8 – Grab 245/к-17 (Krasnaja Gorka).

Dess. 1. Sépultures avec un cheval dans les nécropoles Krasnaya Gorka et Nétailovka. 1 – sép. №2 (Nétailovka); 2 – sép. №289/к-28; 3 – sép. №150/к-13; 4 – sép. №219/к-20; 5 – sép. №264/к-24; 6 – sép. №288/к-30; 7 – sép. №75/к-4; 8 – sép. №245/к-17 (Krasnaya Gorka).

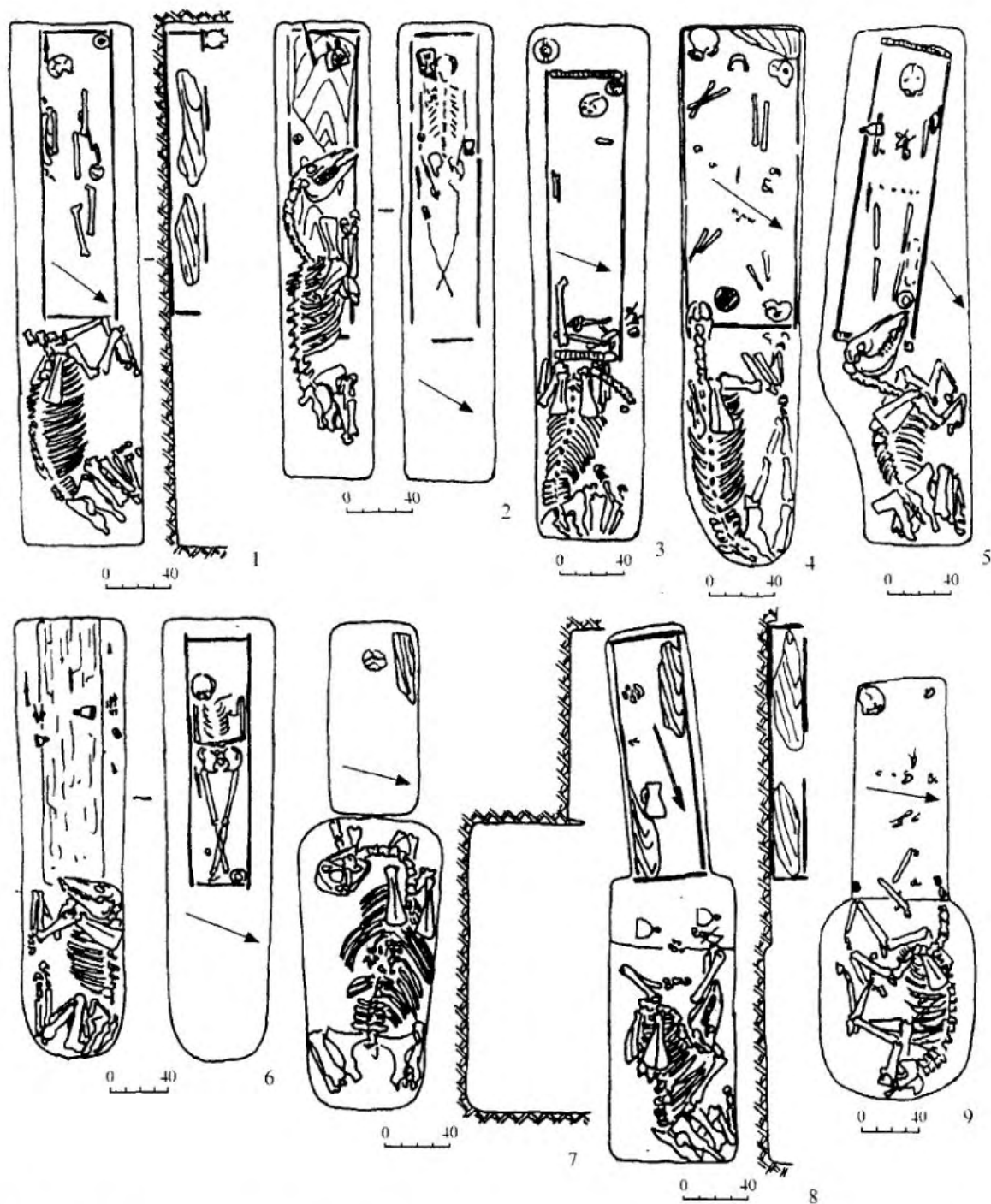

Рис. 2. Погребения с конем из могильника Красная Горка. 1 – погр. №100/к-8; 2 – погр. №103/к-7; 3 – погр. №200/к-18; 4 – погр. №93/к-6; 5 – погр. №70/к-5; 6 – погр. №293/к-34; 7 – погр. №140/к-12; 8 – погр. №209/к-10; 9 – погр. №305/к-33 (Красная Горка).

Fig. 2. Interments with a horse from the burial ground of Krasnaya Gorka. 1 – int. №100/к-8; 2 – int. №103/к-7; 3 – int. №200/к-18; 4 – int. №93/к-6; 5 – int. №70/к-5; 6 – int. №293/к-34; 7 – int. №140/к-12; 8 – int. №209/к-10; 9 – int. №305/к-33 (Krasnaya Gorka).

Abb. 2. Bestattungen mit Pferd aus dem Gräberfeld Krasnaja Gorka. 1 – Grab 100/к-8; 2 – Grab 103/к-7; 3 – Grab 200/к-18; 4 – Grab 93/к-6; 5 – Grab 70/к-5; 6 – Grab 293/к-34; 7 – Grab 140/к-12; 8 – Grab 209/к-10; 9 – Grab 305/к-33 (Krasnaja Gorka).

Dess. 2. Sépultures avec un cheval de la nécropole Krasnaya Gorka. 1 – sép. №100/к-8; 2 – sép. №103/к-7; 3 – sép. №200/к-18; 4 – sép. №93/к-6; 5 – sép. №70/к-5; 6 – sép. №293/к-34; 7 – sép. №140/к-12; 8 – sép. №209/к-10; 9 – sép. №305/к-33 (Krasnaya Gorka).

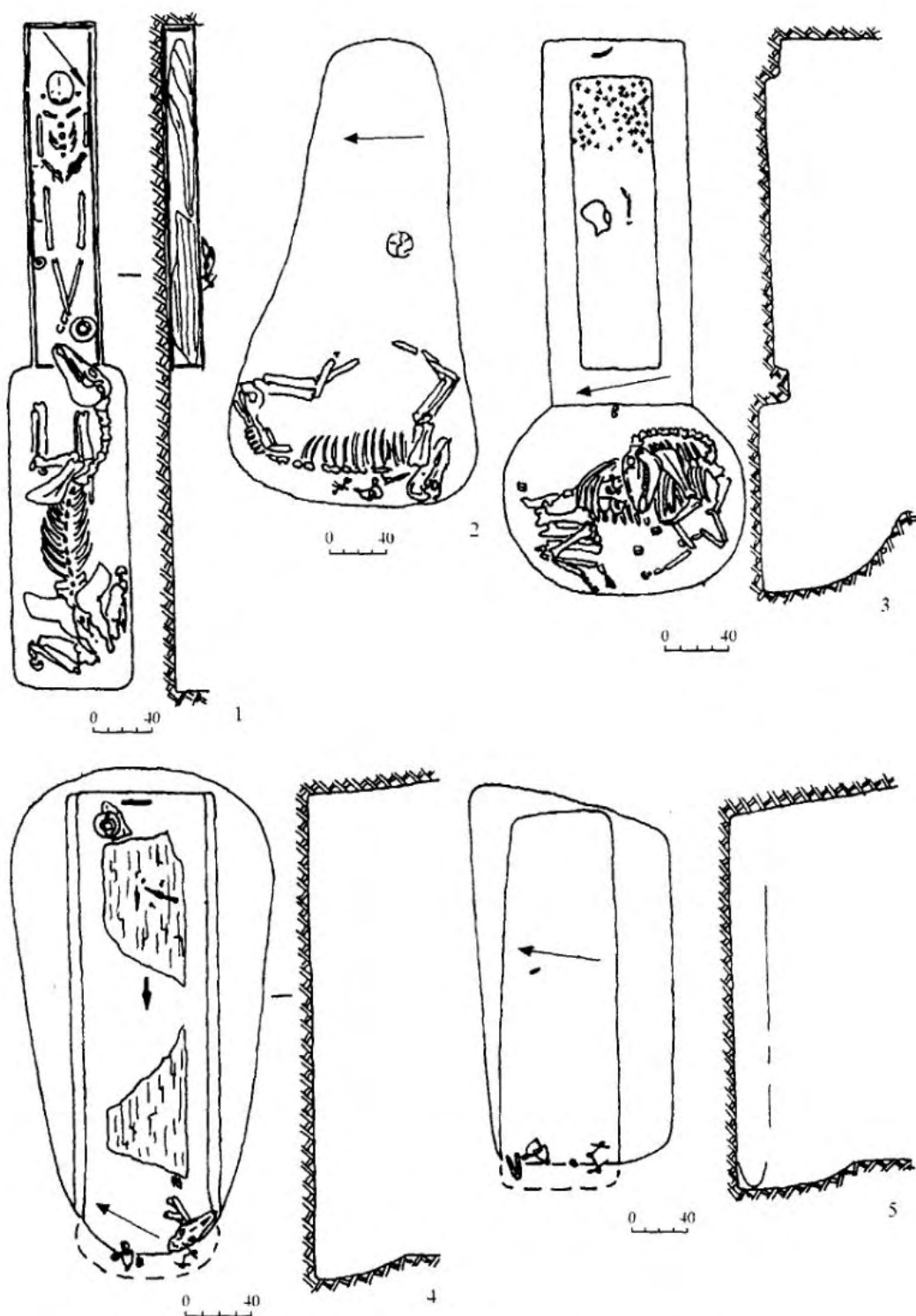

Рис. 3. Погребения из могильников Красная Горка и Нетайловка. 1 – погр. №77/к-3 (Красная Горка); 2 – погр. №53; 3 – погр. №127; 4 – погр. №171; 5 – погр. №132 (Нетайловка).

Fig. 3. Interments from the burial grounds of Krasnaya Gorka and Netailovka. 1 – int. №77/к-3 (Krasnaya Gorka); 2 – int. №53; 3 – int. №127; 4 – int. №171; 5 – int. №132 (Netailovka).

Abb. 3. Bestattungen aus den Gräberfeldern Krasnaja Gorka und Netajlovka. 1 – Grab 77/к-3 (Krasnaja Gorka); 2 – Grab 53; 3 – Grab 127; 4 – Grab 171; 5 – Grab 132 (Netajlovka).

Dess. 3. Inhumations des nécropoles Krasnaya Gorka et Nétailovka. 1 – sép. 77/к-3 (Krasnaya Gorka); 2 – sép. 53; 3 – sép. 127; 4 – sép. 171; 5 – sép. 132 (Nétailovka)

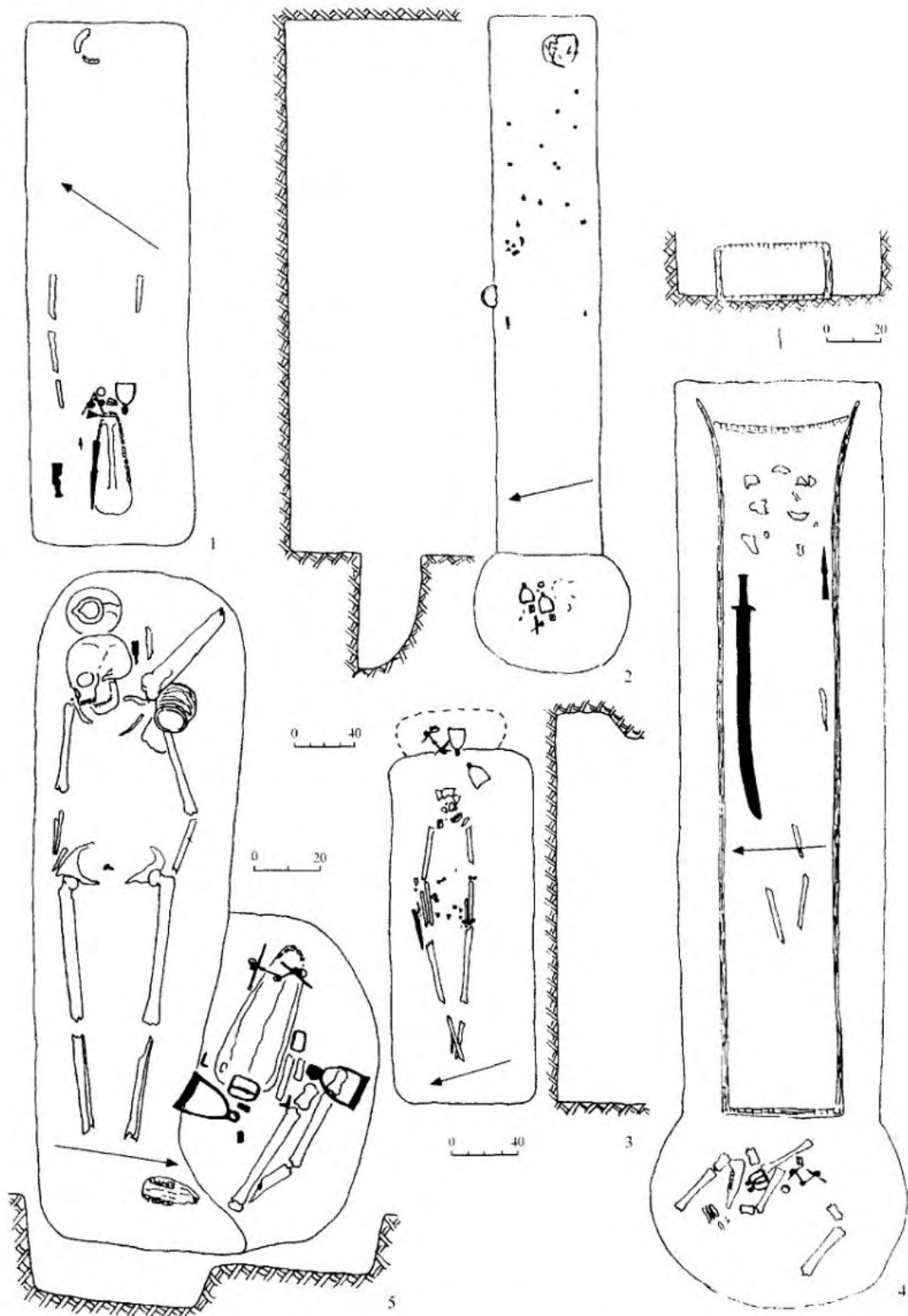

Рис. 4. Погребения с частями коня из могильников Нетайловка и Лиманское Озеро. 1 – погр. №255; 2 – погр. №259; 3 – погр. №144; 4 – погр. №252 (Нетайловка); 5 – погр. №34 (Лиманское Озеро).

Fig. 4. Interments with horse parts from the burial grounds of Netailovka and Limanskoye Ozero. 1 – int. №255; 2 – int. №259; 3 – int. №144; 4 – int. №252 (Netailovka); 5 – int. №34 (Limanskoye Ozero).

Abb. 4. Bestattungen mit Pferdeteilen aus den Gräberfeldern Netajlovka und Limanskoje Ozero. 1 – Grab 255; 2 – Grab 259; 3 – Grab 144; 4 – Grab 252 (Netajlovka); 5 – Grab 34 (Limanskoje Ozero).

Dess. 4. Inhumations avec des détails de cheval issus des nécropoles Nétailovka et Lac Limansky. 1 – sép. 255; 2 – sép. 259; 3 – sép. 144; 4 – sép. 252 (Nétailovka); 5 – sép. 34 (Lac Limansky)

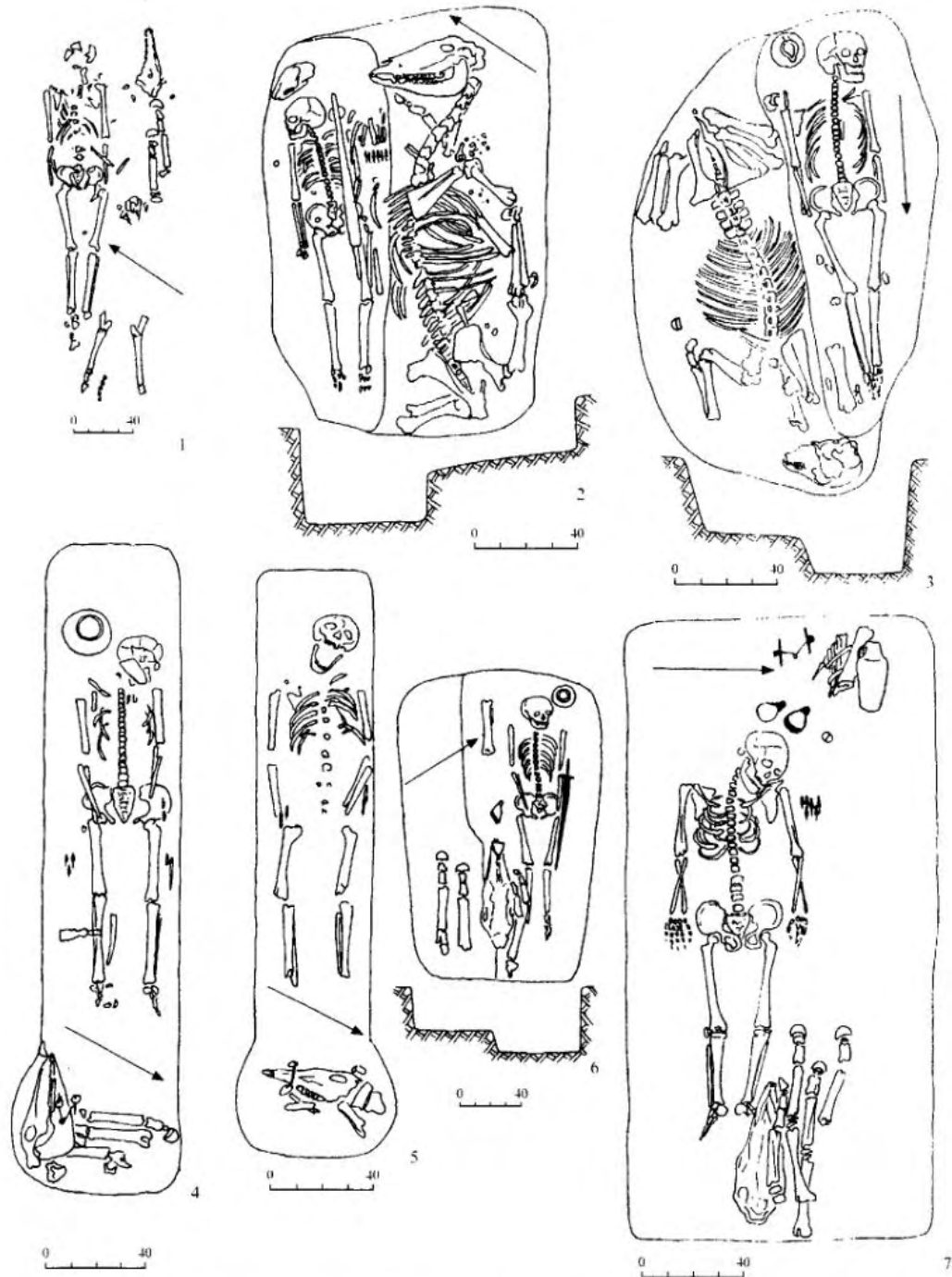

Рис. 5. Погребения с конем и с частями коня из могильников VII-X вв. Юго-Восточной Европы. 1 – погр. 3 к. 30 (с.Калининское); 2 – Портовое; 3 – погр. №55 (Кюлевча); 4 – погр. №770; 5 – погр. №202 (Танкеевка); 6 – погр. №28 (Большие Туганы); 7 – погр. №2 (Субботицы).

Fig. 5. Interments with a horse and horse parts from the interments of the VIIth - Xth cc. of South-Eastern Europe. 1 – int. 3, barrow 30 (village of Kalininskoye); 2 – Portovoye; 3 – int. №55 (Kyulevcha); 4 – int. №770; 5 – int. №202 (Tankeyevka); 6 – int. №28 (Bolshiyе Tugany); 7 – int. №2 (Subbotitsy).

Abb. 5. Bestattungen mit Pferd und Pferdeteilen aus den Gräberfeldern des VII.-X. Jhs. in Süd-Ost-Europa. 1 – Grab 3, kurgan 30 (Dorf Kalininskoje); 2 – Portovoje; 3 – Grab 55 (Kjulevča); 4 – Grab 770; 5 – Grab 202 (Tankeyevka); 6 – Grab 28 (Bol'shije Tugany); 7 – Grab 2 (Subboticy).

Dess. 5. Sépultures avec un cheval, des parties de cheval dans les nécropoles des VII-X s.s. de l'Europe du Sud-Est. 1 – sép. 3, tumulus 30 (Village Kalininskoye); 2 – Portovoyé; 3 – sép. 55 (Kulevtcha); 4 – sép. 770; 5 – sép. 202 (Tankeyevka); 6 – sép. 28 (Bolchiyé Tugany); 7 – sép. 2 (Subbotitsy).

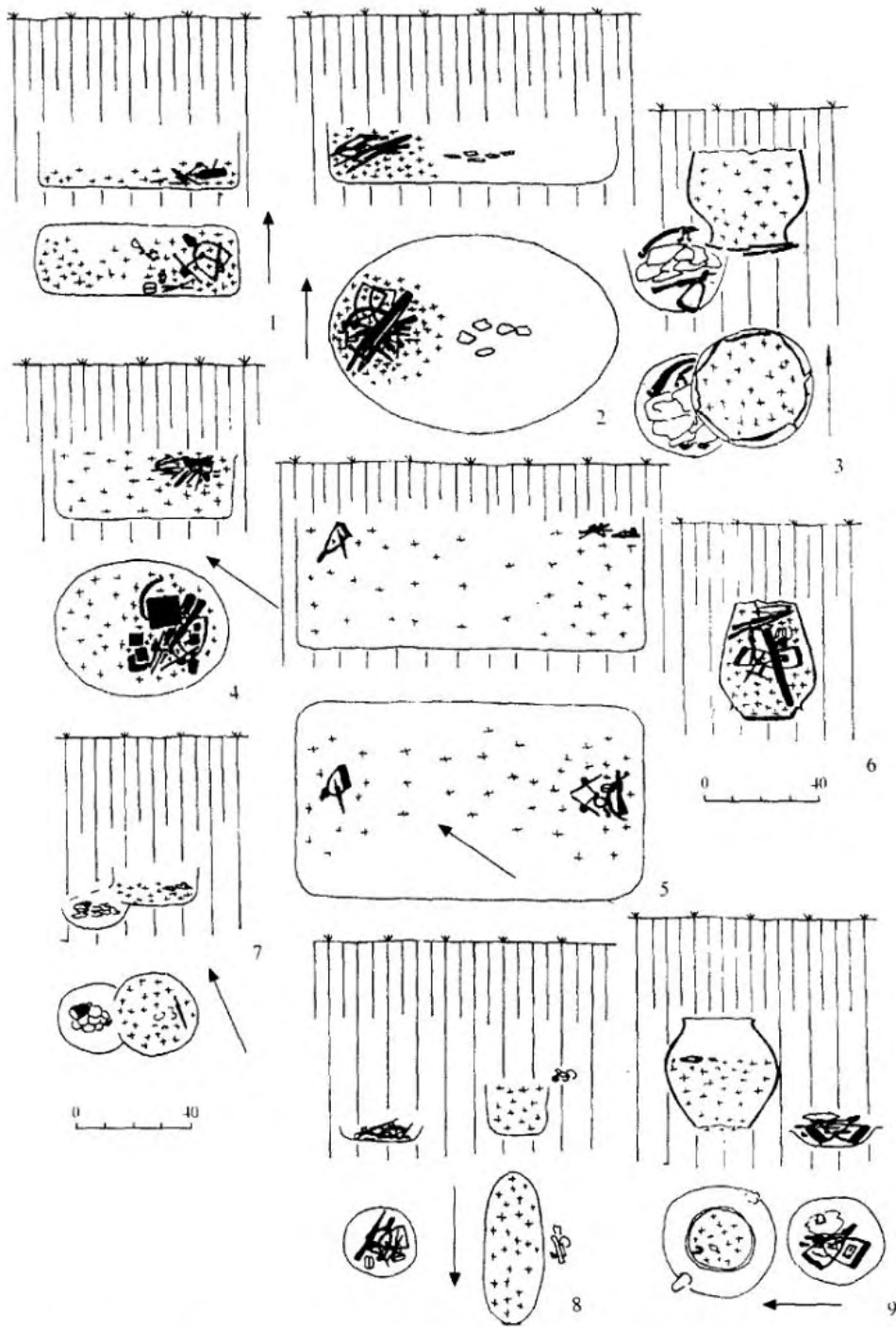

Рис. 6. Кремационные погребения с конским снаряжением из могильников Красная Горка и Сухая Гомольша. 1 – погр. №17; 2 – погр. №252; 3 – погр. №286 (Сухая Гомольша); 4 – погр. №162 (Красная Горка); 5 – погр. №214; 6 – погр. №175 (Сухая Гомольша); 7 – погр. №138; 8 – погр. №189; 9 – погр. №216 (Красная Горка).

Fig. 6. Cremation interments with horse harness from the burial grounds of Krasnaya Gorka and Sukhaya Gomolsha. 1 – int. №17; 2 – int. №252; 3 – int. №286 (Sukhaya Gomolsha); 4 – int. №162 (Krasnaya Gorka); 5 – int. №214; 6 – int. №175 (Sukhaya Gomolsha); 7 – int. №138; 8 – int. №189; 9 – int. №216 (Krasnaya Gorka).

Abb. 6. Kremationsbestattungen mit Pferdeausrüstung aus den Gräberfeldern Krasnaja Gorka und Syhaja Gomol'sha. 1 – Grab 17; 2 – Grab 252; 3 – Grab 286 (Syhaja Gomol'sha); 4 – Grab 162 (Krasnaja Gorka); 5 – Grab 214; 6 – Grab 175 (Syhaja Gomol'sha); 7 – Grab 138; 8 – Grab 189; 9 – Grab 216 (Krasnaja Gorka).

Dess. 6. Sépultures crématoires avec le harnachement de cheval dans les nécropoles de Krasnaya Gorka et de Soukhaya Gomolcha. 1 – sép. 17; 2 – sép. 252; 3 – sép. 286 (Soukhaya Gomolcha); 4 – sép. 162 (Krasnaya Gorka); 5 – sép. 214; 6 – sép. 175 (Soukhaya Gomolcha); 7 – sép. 138; 8 – sép. 189; 9 – sép. 216 (Krasnaya Gorka).

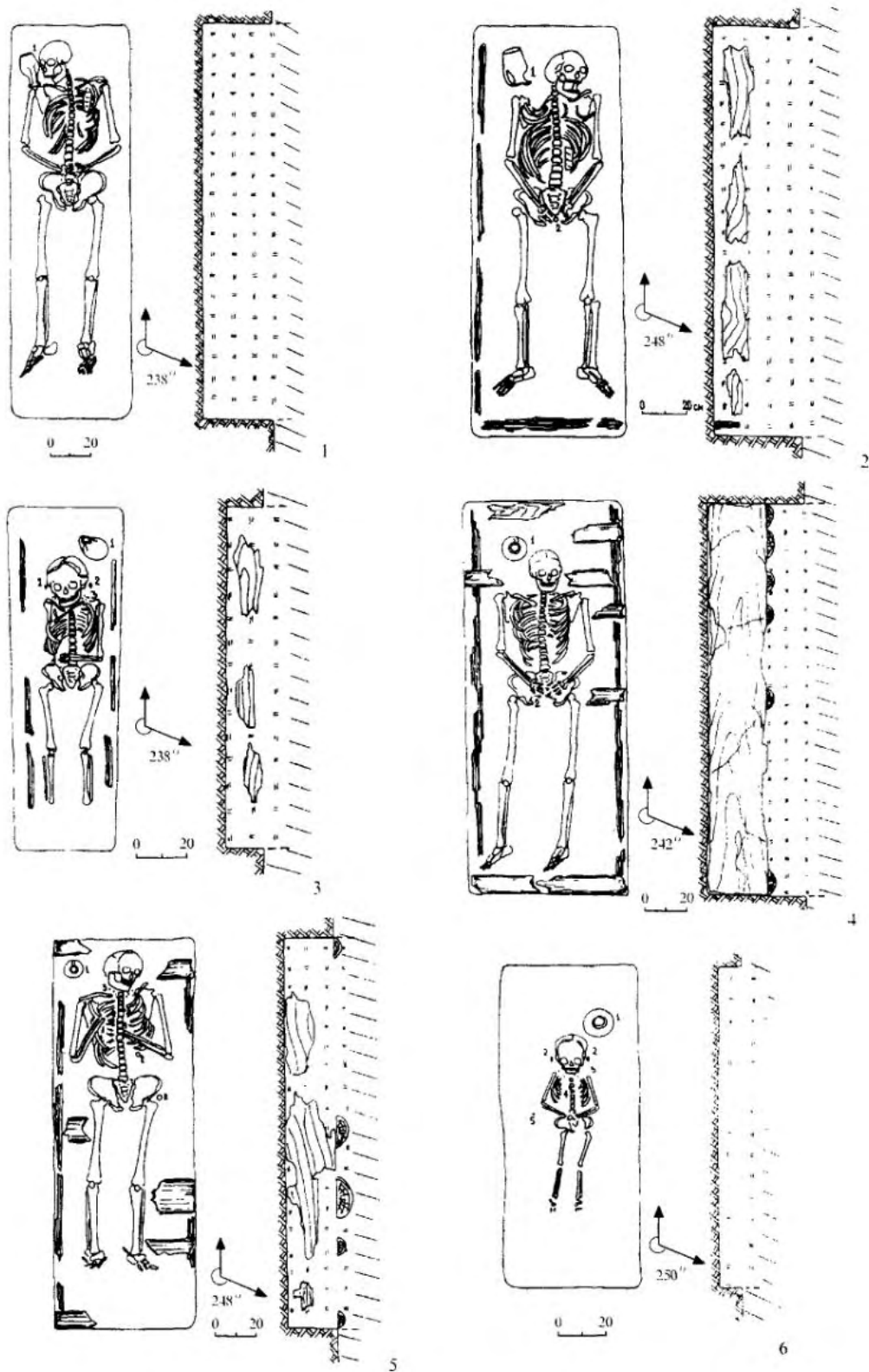

Рис. 7. Погребения из могильника Червоная Гусаровка. 1 – погр. №23; 2 – погр. №25; 3 – погр. №26; 4 – погр. №27; 5 – погр. №29; 6 – погр. №31 (Червоная Гусаровка).

Fig.7. Interments from the burial ground of Chervonaya Gusarovka. 1 – int. №23; 2 – int. №25; 3 – int. №26; 4 – int. №27; 5 – int. №29; 6 – int. №31 (Chervonaya Gusarovka).

Abb. 7. Bestattungen aus dem Gräberfeld Červonaja Gusarovka. 1 – Grab 23; 2 – Grab 25; 3 – Grab 26; 4 – Grab 27; 5 – Grab 29; 6 – Grab 31 (Červonaja Gusarovka).

Dess. 7. Sépultures de la nécropole à Tchervonaya Goussarovka. 1 – sép. 23; 2 – sép. 25; 3 – sép. 26; 4 – sép. 27; 5 – sép. 29; 6 – sép. 31 (Tchervonaya Goussarovka)

хоронения могильника Червоня Гусаровка относятся к так называемому “зливкинскому” погребальному типу.

Захоронения могильника Червоня Гусаровка характеризует размещение погребений четкими рядами, идущими с севера на юг; наличие в рядах достаточно обособленных групп могил (от 3 до 10), содержащих, как правило, захоронения взрослых (мужчин, женщин) и малолетних детей. Погребения размещены достаточно плотно. В среднем на 5,3 м² вскрытой площади могильника приходится одно погребение. Захоронения индивидуальные, произведены в неглубоких простых грунтовых ямах (рис.7), реже в ямах, на дне которых специально прорыто углубление для покойника. Характерно наличие в ямах остатков деревянных гробов-рам, иногда в сочетании с перекрытием из поперечно уложенных деревянных плах. Умершие покоятся в вытянутом положении на спине головой на северо-запад, с прямыми ногами и сложенными на животе, на груди, на костях таза руками (иногда одна рука была вытянута вдоль тела). Инвентарь в большинстве захоронений представлен только одним глиняным сосудом, поставленным слева или справа от головы погребенного. Остатки мясной жертвенной пищи отсутствуют, тогда как последняя характерна для “стандартных” захоронений “зливкинского” типа (Плетнева С.А., 1999, с.78). В 66 из 177 вскрытых захоронений погребальный инвентарь был представлен крымским керамическим импортом, а еще в 4 погребениях были найдены стеклянные сосуды, вероятно, также крымского производства (Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998, с.344, рис.2). В остальных захоронениях инвентарь представлен салтовскими кружечками или лепными сосудами кочевнических типов (Михеев В.К., 1994, с.196). Размещение погребений довольно четкими рядами, ориентировка и положение рук погребенных на груди и поясе, минимальный состав погребального инвентаря, а также обнаружение в одном погребении в районе шеи нашивки в виде равноконечного креста (Аксенов В.С., Михеев В.К., 1998, рис.4, 17) можно трактовать как факт знакомства данного населения с христианством. Интересно, что на ранних мусульманских могильниках IX-X вв. Среднедонецья умершие покоятся в грунтовых могильных ямах, идентичных по конструкции могильным ямам могильника Червоня Гусаровка, и встречены аналогичные червоногусаровским, красногорским, волоконовским гробы-рамы и перекрытия из уложенных продольно или поперечно деревянных плах (Кравченко Э.Е, Гусев О.А., Давыденко В.В., 1998, рис.2, 1; 4, 4; 5, 1, 2; 6, 4; 7, 1; 8, 3). Близкие по конструкции могильные ямы – яма с прямыми стенками, в нижней части которой вырыта узкая погребальная камера (вдоль длинных, а иногда и вдоль коротких стенок, таким образом, оставались ступеньки-запечки) – встречаются в ингумационных

захоронениях черняховской культуры, как с северной, так и с западной ориентировкой умерших (Никитина Г.Ф., 1985, с.48, 49), и которые большинство исследователей связывают с сарматами.

Все это позволяет нам попытаться вычлени из серии памятников так называемого “зливкинского” типа те комплексы, которые с достаточно большой долей вероятности можно связать с иранским (сарматским) компонентом протоболгарского населения салтовской культуры. Такими, с нашей точки зрения, являются захоронения могильника Червоня Гусаровка, в которых отсутствуют остатки мясной жертвенной пищи и такие конструктивные детали могил, как ниши-подбойчики в торцевых стенках могильных ям, приступки. Тот факт, что данное население успешно ассимилировало тюркский компонент, подтверждается открытием на могильнике погребений, в которых находились останки людей с четко выраженными монголоидными чертами. В одном из таких захоронений были обнаружены остатки каптаргака – специального кожаного мешочка для хранения разных бытовых вещей, который у представителей тюркских народов подвешивался к поясному ремню, и крупное бронзовое зеркало, типологически близкое зеркалам поздних сармат (Билик О.О., 1998, с.18, 21).

Некоторые итоги

Таким образом, можно констатировать, что изучение отдельных протоболгарских могильников верхнего и среднего течения р.Северский Донец, оставленных кочевыми и полукочевыми объединениями, входившими в состав Хазарского каганата, действительно позволяет говорить о наличии на них захоронений, в которых достаточно четко прослеживаются черты тюркского, угорского и иранского (сарматского) погребальных обрядов. Это подтверждает данные письменных источников о достаточно пестром этническом составе населения на границе степной и лесостепной зон междуречья Днепра и Дона в хазарское время. Такая ситуация сложилась исторически, в результате отмеченных выше бурных событий протоболгарской истории. Но, следует отметить, что и в VIII-X вв. продолжался постоянный приток разноэтничного кочевого населения в указанный регион из других районов Восточной Европы. Поводом к таким переселениям в период существования Хазарского каганата были вполне объяснимые объективные причины: наличие свободных и благодатных для ведения хозяйства территорий, удаленность Придонецья от центральной власти, что давало возможность представителям местной социальной верхушки проявлять большую самостоятельность, различные военно-политические события. Вероятно, сюда, на северо-западную окраину Хазарского каганата, как считает ряд исследователей, могла бежать, по крайней мере, какая-то часть побежденных в результате гражданской войны мятежных хазарских ари-

тократических родов (кабаров или кабиров) (Комар О.В., 1999, с.167-168).

В заключение следует отметить, что процесс этнической консолидации протоболгарского кочевого населения в рамках Хазарского каганата на территории Днепро-Донского междуречья, в Приазовье и Донецкой лесостепи так и не был завершен. Ослабление Хазарии, проникновение в степи Восточной Европы угров, гузов, печенегов и половцев привело к началу нового витка кочевого этногене-

за. Сохранившиеся в исторических катаклизмах кон. IX-X вв. протоболгарские роды и их отдельные представители влились в состав угорских или печенежских племен и, вероятно, приняли участие в формировании союза Черных Клобуков, тем самым завершив период относительно самостоятельного исторического развития. Раннесредневековые народности были созданы при участии протоболгар в других регионах и при других исторических обстоятельствах.

Литература и архивные материалы

- Айбабин А.И.**, 1985. Погребение хазарского воина// СА. № 3.
- Айбабин А.И.**, 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып.1. Симферополь.
- Айбабин А.И.**, 1993. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму// Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып.3. Симферополь.
- Айбабин А.И.**, 1993а. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв.// Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып.3. Симферополь.
- Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.**, 1993. Основные проблемы этнической истории Крыма// Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып.3. Симферополь.
- Акимова М.С.**, 1964. Материалы к антропологии ранних болгар// Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.
- Аксенов В.С.**, 1997. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника// Вісник ХДУ. № 396. Харків.
- Аксенов В.С.**, 1998. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников)// Вісник ХДУ. № 413. Харків.
- Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К.**, 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника)// Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.**, 1998. Крымский импорт и хронология некоторых памятников верховий Северского Донца// Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Амброз А.К.**, 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА. № 2.
- Амброз А.К.**, 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации// Древности эпохи великого переселения народов. М.
- Амброз А.К.**, 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971 – 1984 гг.)// СА. № 3.
- Ангелов Д.**, 1986. Славяне и протоболгары в догосударственный период// Советское славяноведение. № 5.
- Артамонов М.И.**, 1962. История хазар. Л.
- Атавин А.Г.**, 1996. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Афанасьев Г.Е.**, 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// Археологические открытия на новостройках. Вып.2. М.
- Афанасьев Г.Е.**, 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М.
- Балинд Ч.**, 1972. Погребения с конями у венгров в IX-X вв.// Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Баранов И.А.**, 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.
- Безуглов С.И.**, 1985. Погребение кочевника VII в. н.э. на Нижнем Дону// СА. № 2.
- Бернштам А.Н.**, 1951. Очерк истории гуннов. Л.
- Бешевлиев В.**, 1981. За разнорадната същност на първобългарите// Плиска-Преслав. Т.2. София.
- Білик О.О.**, 1998. Реконструкція поясу із червоногусарівського могильника// Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Випуск 3. Харків.
- Бокий Н.М., Плетнева С.А.**, 1988. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула// СА. № 2.
- Вайнштейн С.И.**, 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры// СЭ. № 3.
- Ваклинов С.**, 1977. Формиране на старобългарската култура VI-XI век. София.

- Византийские историки:** Дексиппъ, Эвнапий, Олимпіодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Менандръ, Кандидъ, Ноннось и Феофан Византиец/ Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гавриила Дестуниса. 1860. СПб.
- Въжарова Ж.Н.,** 1976. Славяни и прабългари (на данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България). София.
- Гаврилюк Н. А.,** 1995. Скотоводство Степной Скифии. К.
- Гаркави А.Я.,** 1874. Сведения еврейских писателей о Хазарии и хазарском царстве. СПб.
- Генинг В.Ф.,** 1989. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар// Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.,** 1964. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М.
- Георги И.И.,** 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч.2. СПб.
- Гильом де Рубрук.,** 1997. Путешествие в Восточные страны. М.
- Грач А.Д.,** 1968. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии// История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Гумилев Л.Н.,** 1959. Удельно-лествичная система у тюрков в VI-VIII вв.// СЭ. № 3.
- Гумилев Л.Н.,** 1961. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров// Материалы по этнографии. Вып.1. Л.
- Дебец Г.Ф.,** 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Дегтярь А.К.,** 1984. Комплекс из погребения воина у с.Кочеток на Северском Донце// СА. № 2.
- Демченко М.А.,** 1965. Лесостепь Харьковщины// Материалы Харьковского отдела географического общества СССР. Вып.1. Харьков.
- Димитров Д.Ил.,** 1987. Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна.
- Дмитриев А.В.,** 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо// КСИА. Вып.158.
- Дмитриев А.В.,** 1979а. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р.Дюрсо близ Новороссийска// СА. № 4.
- Егоров В.Л.,** 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.О.,** 1997. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника// Древности 1996. Харьков.
- Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.О.,** 1996. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника// Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Засецкая И.П.,** 1977. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV – V вв. н.э.// Археологический сборник. № 18. Л.
- Зиньковская И.В.,** 1997. Население лесостепного Днепро-Донецкого междуречья во второй-третьей четверти I тыс.н.э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями)/ Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Иордан,** 1960. О происхождении и деяниях гетов. М.
- Йорданов С.,** 1997. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: II. Системата Тьолис-Тардуш и двудялбата "Българи – Котраги" в "Старата Велика България"// Българите в Северното Причерноморие. В. Тырново.
- Иченская О.В.,** 1981. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника// Древности Среднего Поднепровья. К.
- Казиков Е.П.,** 1981. Об одном из вариантов культа коня в средневековых памятниках Евразии// Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Казиков Е.П.,** 1984. О культе коня в средневековых памятниках Евразии// Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Казиков Е.П.,** 1989. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья// Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа.
- Катанов Н.Ф.,** 1894. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней// Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т.12. Вып.2.
- Киселев С.В.,** 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Коковцов П.К.,** 1932. Еврейско-хазарская переписка. Л.
- Комар О.В.,** 1999. Коментарі до статті: Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из окрестности г.Чистяково Сталинской области// Vita antiqua. № 2. К.
- Кондукторова Т.С.,** 1956. Материалы по палеоантропологии Украины// Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т.XXXIII. М.
- Константин Багрянородный,** 1991. Об управлении империей. М.
- Костенков,** 1868. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи// Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В.,** 1998. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца

- (по археологическим источникам)// Археологический альманах. № 7. Донецк.
- Красильников К.И.**, 1990. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Красильников К.И.**, 1991. Могильник древних болгар у с.Желтое на Северском Донце// Проблемы на пробългарската история и култура. Вип.2. София.
- Круглов Е.В.**, 1990. О подкурганых захоронениях калмыко-астраханских степей хазарского времени// Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Круглов Е.В.**, 1992. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности// Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.
- Круглов Е.В.**, 1992а. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли// СА. № 4.
- Кудряшов К.В.**, 1948. Половецкая степь// Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т.2. М.
- Кухаренко Ю.В.**, 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине// КСИИМК. Т.XLI.
- Кухаренко Ю.В.**, 1952. Новопокровский могильник і поселення// Археологія. Т.6.
- Кызласов Л.Р.**, 1960. Тува в период Тюркского каганата (VI-VIII вв.)// Вестник МГУ. Серия IX. № 1.
- Кызласов Л.Р.**, 1984. История Южной Сибири в средние века. М.
- Латышев В.В.**, 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе// ВДИ. № 4 (26).
- Львова З.А.**, 1993. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса// МАИЭТ. Вып.III. Симферополь.
- Львова З.А.**, 1994. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса// МАИЭТ. Вып.IV. Симферополь.
- Львова З.А.**, 1996. Вещи кочевнического круга из перещепинского сокровища// Болгарский Ежегодник. Т.2. Харьков – София.
- Львова З.А., Маршак Б.И.**, 1998. Последнее пополнение перещепинского сокровища его владельцем// МАИЭТ. Вып.VI. Симферополь.
- Мажитов Н.А.**, 1981. Южный Урал в VI-VIII вв.// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Матвеева Г.И.**, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Михеев В.К.**, 1982. Коньковые подвески на могильнике Сухая Гомольша// СА. № 2.
- Михеев В.К.**, 1986. Сухогомольшанский могильник// СА. № 3.
- Михеев В.К.**, 1990. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры// Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань.
- Михеев В.К.**, 1991. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII-X вв. (часть 1)// Археология славянского юго-востока. Воронеж.
- Михеев В.К.**, 1994. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с.Червоная Гусаровка// Древности 1994. Харьков.
- Михеев В.К., Тортика А.А.**, 2000. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII середина – X в.)// Вісник МСУ. Сер. Юдаїка. № 3.
- Могильников В.А.**, 1981. Тюрки// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Наджимов К.Н.**, 1955. О черепахах зливкинского могильника// КСИЭ. Т.XXIV.
- Нестеров С.П.**, 1990. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.
- Никифора патриарха константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия, 1950//** ВВ. Т.3. М.
- Никитина Г.Ф.**, 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.**, 1993. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине// Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.
- Орлов Р.С.**, 1985. Культура кочевников IV-VIII вв.// Этнокультурная карта территории Украинской ССР. К.
- Патканов К.**, 1883. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому// ЖМНП. № 3. Ч.СХХVI.
- Пигулевская Н.В.**, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.
- Плетнева С.А.**, 1962. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IX в.// СА. № 1.
- Плетнева С.А.**, 1967. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.
- Плетнева С.А.**, 1982. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Плетнева С.А.**, 1996. Саркел и “шелковый путь”. Воронеж.
- Плетнева С.А.**, 1999. Очерки хазарской археологии. Москва – Иерусалим.
- Приймак В.В., Супруненко А.Б.**, 1994. Венгерское погребение в кургане у с.Твердохлебы Кобелякского района// Курганы Нижнего Повороскья. Москва – Полтава.
- Приходнюк О.М.**, 1996. Археологические данные о связях славян и степного населения в VII-VIII вв.// МАИЭТ. Вып.5. Симферополь.

- Прокопий** из Кесарии, 1950. Война с готами/ Пер. С.П.Кондратьева. М.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.**, 1996. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство// Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь.
- Рашев Р.**, 1993. К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.
- Рашев Р., Станилов С.**, 1989. Раннесредневековый могильник у с.Ножарево Силистренский округ (предварительное сообщение)// Проблеми на прабългарската история и култура. Вип.1. София.
- Рашид-ад-Дин.**, 1952. Сборник летописей/ Пер. с перс. Л.А.Хетагурова; Ред. и примеч. проф. А.А.Семенова. Т.1. Кн.1. М.; Л.
- Рудь Н.М.**, 1987. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника// Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
- Савченко Е.И.**, 1986. Крымский могильник// Археологические исследования на новостройках. Вып.1. М.
- Семенов А.И.**, 1986. К реконструкции состава комплексов перецепинского круга// Археологический сборник. № 27. Л.
- Сміленко А.Т.**, 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). К.
- Смирнов А.П.**, 1951. Волжские болгары. М.
- Страбон**, 1964. География в 17 книгах/ Пер. статьи и коммент. Г.А.Стратановского; Под. ред. проф. С.Л. Утченко. М.
- Станчев С.Р.**, 1958. Некрополът до Нови Пазар. София.
- Сыроечковский В.Е.**, 1940. Мухаммед-Герай и его вассалы// Ученые записки МГУ. Сер. история. Т.2. Вып.61.
- Таскин В.С.**, 1968. Скотоводство сюнну по китайским источникам// Вопросы истории и историографии Китая. М.
- Тарабанов В.А.**, 1994. Кремационные погребения VIII-X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность// XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Краснодар.
- Тарабанов В.А.**, 1999. Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году// Древности Кубани. Вып.14. Краснодар.
- Татаринов С.И., Копыл А.Г.**, 1981. Дроновские древнеболгарские могильники на р.Северский Донец// СА. № 1.
- Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В.**, 1986. Два праболгарских могильника на Северском Донце// СА. № 1.
- Толыбеков С.Е.**, 1955. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего Жуза против добровольного присоединения к России// Вестник АН Казахской ССР. № 6.
- Тортіка О.О.**, 1995. Історія протоболгар Дніпро-Донського межиріччя: проблеми періодизації// Тези Всеукр. конф. "Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті". Харків.
- Тортіка А.А.**, 1996. Некоторые проблемы этнической истории и археологии протоболгар// Болгарский ежегодник. Харьков – София. Т.2.
- Тортіка А.А.**, 1997. Новый взгляд на маршрут перекочевок в Великой Болгарии Кубрата// Тезисы науч. конф. "Проблемы истории и археологии Украины". Харьков.
- Тортіка О.О.**, 1999. Історична географія та населення Великої Болгарії (630-660 р. н.е.): Методика дослідження кочових суспільств середньовіччя/ Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири**, 1988. Новосибирск.
- Трофимова Т.А.**, 1956. Антропологический состав населения г.Болгары в X-XV веках// Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXIII.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Флёрв В.С.**, 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.
- Хазанов А.М.**, 1975. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.
- Халиков А.Х.**, 1989. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье// Проблеми на прабългарската история и култура. Вип.1. София.
- Халикова Е.А.**, 1971. Погребальный обряд Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Халикова Е.А.**, 1976. Больше-Тиганский могильник// СА. № 2.
- Чичуров И.С.**, 1980. Византийские исторические сочинения: "хронография" Феофана, "бrevиарий" Никифора. М.
- Швецов М.Л.**, 1991. Могильник "Зливки">// Проблеми на прабългарската история и култура. Вип.2. София.
- Шрамко Б.А.**, 1983. Погребения VIII-X вв. у с.Пятницкое в Харьковской области// Древнерусское государство и славяне. Минск.

Summary

V.S.Aksyonov, A.A.Tortika (Kharkov, Ukraine)

Protobulgarian Interments in the Don and the Seversky Donets Basins in the VIIIth - Xth cc. The Problem of Polyvariance Rite and Ethnohistorical Interpretation

The paper bears on historical and archaeological interpretation of polyvariant funeral rites among the Protobulgarians, who inhabited the area between the Don and the Seversky Donets rivers. The analysis of the data obtained from the Protobulgarian burial grounds dated back from the VIIIth to the Xth cc. A.D., and the interments containing horse remains in particular, give evidence of the heterogeneous ethnic structure of the tribal and territorial communities, that had left the monuments under discussion. Each community had its own formation history, it determining the proportion of specific ethnic features of their funeral rite. The authors suggest classification of those features and their comparative characteristics. They also propose hypotheses for explaining the phenomenon of polyvariant funeral rites.

The analysis of the early medieval history of the Protobulgarians, their nomad culture and the stage of their social development, as well as the data of geographical history of South-Eastern Europe, give the grounds for restoration of historical, ethnic and cultural situation in the area after the Khazars' expansion and submission of Protobulgarian tribes by the Khazarian Khaganate. In that period the Protobulgarian tribal structure and the system of settling were destroyed, and big tribes and tribal units ceased to exist.

The remains of various tribal groups sought refuge in the outlying areas of the steppe zone: in the Crimea, on the left bank of the Dnieper and in the forest-steppe zone of the Seversky Donets river. The old tribes were replaced by new nomad groups and families (aecls) that emerged when those tribes and families that had survived started merging. As different customs and traditions began merging too, their new variants appeared soon. The ethnic structure of every new tribal and family group differed, this determining specific character of their cultural traditions, and funeral rite in particular. By the end of the VIIth c. – early VIIIth c. the military and political situation in the Khazarian Khaganate became more stable and the Protobulgarians restored their habitual way of living in the steppe and forest-steppe zone of the Don and the Dnieper basins. As the Khazars opposed their unification and appearance of bigger Protobulgarian communities, the latter had preserved the elements of ethnic and cultural isolation within the whole history of the Khaganate.

The tribes on the territories of forest-steppe zone in the Seversky Donets and the Oskol basins preserved their economic cycle, but being deprived of their habitual pastures, they gradually passed to a half-settled way of life. It is to those Protobulgarian tribes that such archaeological sites as Volokonovka, Sukhaya Gomolsha and Krasnogorovka cemeteries most probably belong. It is also not unlikely that the Protobulgarian territories were part of the Alans' feudal formations, which were, in their turn, constituents of the Khazarian Khaganate. The representatives of those communities might have served in the Alans' detachments on the borders of Kiev Russ and other Slavonic territories. The ethnic situation of the communities was heterogeneous and could not be characterised in general. We consider the attempts to attribute the non-Alan population of the region to a definite people mentioned in written sources to be not constructive enough. It is much more promising to determine ethnic features of each cemetery separately as of the site that has been left by a separate tribal group with its own history, each group transforming gradually into a territorial community within the feudal possessions of the Khazarian Khaganate.

The investigation of separate Protobulgarian cemeteries of the upper and mid-flow of the Seversky Donets river gives evidence that there are burials with obvious traits of the Turkish, Hungarian and Iranian (Sarmatian) funeral rites.

V.S.Aksenov, A.A.Tortika (Charkov, Ukraine)

Protobulgarische Bestattungen von Don- und Donezgebiet im VIII.-X. Jh.: Problem der Polyvarietät des Rituals und der ethnohistorischen Interpretation

Nach der politischen Unterwerfung der Protobulgaren durch die Chasaren erfolgt die Zerstörung des früheren Besiedlungssystems der Letzteren und ihrer Stammstruktur. In dieser Zeit hört das Bestehen großer protobulgarischer Stämme und Stammverbände im Gebiet zwischen dem Don und dem Dnepr auf. Die Reste von Nomadengruppen unterschiedlicher Stammherkunft rücken sich in diesem Zeitraum in die Randgebiete der Steppenzone: auf die Krim, an das linke Ufer des Dnepr, in die Donezker Waldsteppe. Unter diesen extremen Bedingungen werden die alten Gentilgemeinschaften schwächer, oder sie verschwinden vollständig. An ihrer Stelle bilden sich auf Grund der

Vereinigung der überlebten und erhaltenen Gruppen und einzelnen Familien neue Nomadengentile und Aile. Unterschiedliche Traditionen, darunter auch Bestattungsrituale, vermischen sich, es entstehen neue Varianten des Bestattungsritus. In jedem einzelnen Fall variierte die unterschiedliche proportionelle Zusammensetzung der Vertreter dieser oder jener ethnischen Gruppen im Bestand neuer Stamm- und Gentilstrukturen, und das verursachte die Bildung bestimmter Kulturtraditionen und eines besonderen Bestattungsritus bei ihren Nachkommen.

Gegen Ende des VII.-Anfang des VIII. Jhs. wird die militärisch-politische Situation im Rahmen des chasarischen Kaganats stabil. Das Vorazovgebiet, die Steppen und Waldsteppen zwischen dem Don und dem Dnepr werden von den Protobulgaren erneut erschlossen. Sie bauen ihre Nomadenwirtschaft wieder auf, nehmen das System des saisonbedingten Weiterziehens und der Weiden. Währenddessen waren die Chasaren an der Konsolidierung solcher Gentilgruppen und an der Bildung großer protobulgarischer Gemeinschaften nicht interessiert. Demzufolge erhalten sie im Laufe der ganzen Geschichte des Kaganats Elemente der kulturellen und ethnischen Isoliertheit, die auch in der Polyvarietät des Bestattungsrituals in Erscheinung treten.

Einzelne protobulgarische Ailen, die im Norden der Waldsteppe während der Chasarenstreifzüge ihre Zuflucht erworben haben, funktionierten nach ihrem Wirtschaftszyklus im Rahmen der Waldsteppenzone im Gebiet des Severskij Donez und des Oskol. Hier, im Randgebiet der Steppenzone, gehen sie der gewohnten Steppenweiden bar allmählich zur Halbanässigkeit über. Wahrscheinlich hinterließen eben solche protobulgarische Gruppen die Gräberfelder vom Typ Volokonovka, Suhaja Gomol'sha oder Krasnaja Gorka. Die Vertreter der diese Gräberfelder hinterlassenen Gemeinschaften gehörten neben Alanen, manchmal aber auch in den alanischen feudalen Formationen, als getrennte Territorien dem chasarischen Kaganat zu und versahen den militärischen Dienst an der Grenze zu slawischen Stämmen und zum Kiewer Russ. Die ethnische Zusammensetzung dieser Gemeinschaften war ziemlich bunt und kann im ganzen nicht charakterisiert werden. Aus diesem Grunde sind die Versuche, die alanische Bevölkerung des Don-Donetz-Gebietes mit irgendeinem gewissen Volk in Verbindung zu setzen, das in schriftlichen Quellen erwähnt wird, unkonstruktiv. Aussichtsreicher wäre u.E. der Versuch, die ethnischen Besonderheiten jedes einzelnen Gräberfeldes zu bestimmen als eines Denkmals, das von einer getrennten Gentilgruppe hinterlassen wurde, die ihre eigene besondere Entstehungsgeschichte hatte und die sich allmählich in die territoriale Gemeinschaft der feudalen Besitzungen des chasarischen Kaganats entwickelte. Die Untersuchung einzelner protobulgarischer Gräberfelder im Ober- und Mittellauf des Severskij Donez aber, die dem chasarischen Kaganat gehörende nomadisierende und Halbnomadengemeinschaften hinterließen, ermöglichen tatsächlich über das Vorhandensein der Bestattungen zu darauf sprechen, in denen sich die Merkmale der türkischen, ugrischen und iranischen (sarmatischen) Bestattungsrituale zurückverfolgen lassen.

V.S.Aksenov, A.A.Tortika (Kharkov, Ukraine)

Des inhumations protobulgares dans les bassins du Don et du Donets aux VIII - X siècles. Problème de polyvariance du rite et son interprétation ethnohistorique

Après l'assujettissement des prabulgares par les khazars le système existant de leur dislocation territoriale et de leur structure de clan avait été ébranlé. Il se peut que c'est à cette époque que des tribus importantes protobulgares et leurs unions cessent d'exister. Des débris de nomades d'origine différente se rassemblent aux confins de la zone de steppes: en Crimée, sur la rive gauche du Dniepr, dans les forêts-steppes du bassin du Donets. D'anciens rassemblements de clan perdent leur importance ou disparaissent et donnent naissance aux nouveaux clans et hameaux nomades. On est en présence de la fusion des traditions, y compris de celles d'inhumation présentant des rites funéraires divers. La composition proportionnelle différente en représentants de différents groupes ethniques était la raison de la formation de traditions culturelles différentes chez leurs descendants.

A la fin du VII - début VIII s. la situation militaire et politique du Khaganat khazar se stabilise. Les protobulgares se situent de nouveau aux abords de la mer d'Azov, sur les steppes et dans les forêts-steppes entre le Don et le Dniepr. Ils reprennent leur façon de mener une vie nomade, restituent leur système de pâturages et de déplacements suivant les saisons. Il est évident que ce n'était pas dans l'intérêt des khazars. C'est pourquoi, pendant toute la période du Khaganat les protobulgares gardent des éléments d'isolement d'où des versions diverses du rite funéraire.

Certains hameaux protobulgares nomades réfugiés au nord de la forêt-steppe fonctionnaient dans leur cycle d'activité sur la zone du Donets Séversky et du Oskol. Ici, à la limite de la zone des steppes, privés de pâturages comme ils en avaient l'habitude, ils passent progressivement à la vie semi-sédentaire.

Probablement c'étaient eux qui avaient laissé des nécropoles du type Volokonovka, Soukhaya Gomolcha ou bien Krasnaya Gorka. Les représentants de ces communautés, à côté des alains, et parfois même faisant partie des formations féodales des alains, pourraient faire partie du Khaganat khazar à titre d'un territoire autonome, pourraient

faire du service militaire à la frontière avec des tribus slaves et avec la Russie Kievinne. La composition de ces communautés pourraient être assez hétéroclite et résiste à la description dans toute sa totalité. C'est pourquoi la tentative d'expliquer le lien de la population autre qu'alains avec l'une des ethnies sur les territoire du Don et du Donets ne semble pas constructive. A notre avis, il est plus intéressant d'essayer de chercher à découvrir des particularités ethniques de chacune des nécropoles à titre de monument laissé par un groupe de clan qui avait progressivement formé sa propre histoire et qui était progressivement transformé en une communauté territoriale faisant partie des propriétés féodales du Khaganat khazar. C'est juste l'étude des nécropoles protobulgares des territoires autour du courant haut et moyen du Donets Séversky laissées par des communautés nomades et semi-nomades faisant partie du Khaganat khazar qui permet effectivement de découvrir des traits typiques des rites funéraires turques, hongrois et iraniens (sarmates).